

Владислав Выставной

Утечка мозгов

«Автор»

2006

Выставной В. В.

Утечка мозгов / В. В. Выставной — «Автор», 2006

«Ныряльщики». Подростки, которые обладают даром проникать в миры, созданные подсознанием других людей, – и рискуют, точно зная, что «ныряльщик», погибший в чужом воображаемом мире, никогда не вернется в мир реальный. Разведчики таинственной спецслужбы под названием Контора, занимающейся предотвращением «утечки мозгов» за кордон. Никита – лучший из «ныряльщиков» – привык выполнять самые сложные задания. Но теперь ему придется нелегко. Видные ученые, ведущие закрытые исследования, один за другим теряют память – словно кто-то насильственно вырезает у них воспоминания о проектах. Кто? Чтобы выяснить это, Никита и его новая напарница Лиза отправляются в странный и опасный мир подсознания полубезумного ученого – последней жертвы «похитителей памяти»...

© Выставной В. В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	21
Глава третья	34
Глава четвертая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Владислав Выставной

Утечка мозгов

Две вещи наполняют душу все новым и нарастающим удивлением и благоговением, чем чаще, чем продолжительнее мы размышляем о них, – звездное небо надо мной и моральный закон во мне.

И. Кант

ПРОЛОГ

Он вертел в руках кристалл, и ему казалось, что в его гранях он видит отражение далеких миров, звезд и галактик. Конечно же, только казалось. Потому кристалл – это всего лишь символ.

Символ бесконечной свободы.

Времена Джеймса Бонда ушли безвозвратно. Теперь для агентурной работы бесполезен безупречный внешний вид, лоск, умение разбираться в винах и женщинах. Совершенно излишни затраты на роскошные автомобили, штаб-квартиры в дорогих отелях и многочисленные шпионские устройства. Не нужны обаяние, физическая сила и реакции насекомого.

Более того – они вредны.

А может, все совсем не так? Может, дело вовсе и не в работе? Может, он просто ищет утешения и успокоения в таких вот оговорках?

Ведь он, самый результативный агент внедрения, был инвалидом.

Нет, он не был прикован к постели. Он вел почти полноценную жизнь, но... Каково с детства быть самым хилым, самым низкорослым и мучиться одышкой даже при небольших нагрузках? А главное – быть ужасно уродливым и никогда – никогда! – не нравиться девушкам?

Говорят, именно такие люди – вопреки Природе – благодаря преодолению комплексов и упорству зачастую становятся великими учеными и художниками. Наверное, это потому, что подлинно «мужские», интересные и захватывающие профессии для них изначально и навсегда закрыты. Им никогда не прыгать с парашютом, не пилотировать истребитель, не побеждать врага ударом крепкого кулака.

И уж что совершенно точно – не им быть ударным звеном военной разведки.

Все это правильно. Так и бывало.

Но время Джеймса Бонда прошло.

И теперь – насмешка Природы! – главная ударная мощь целой державы лежала на его хилых плечах. Смог бы он поверить в это еще лет десять назад, когда любой доходяга смог бы сбить его с ног, просто шелкнув по носу?

Вряд ли. Просто тогда все было иначе. Тогда еще не понимали, что в действительности физическая сила не имела никакого значения.

Но кто-то неведомый решил открыть людям глаза. И почему-то не самым лучшим из них.

Удивительный парадокс заключался в том, что сильные телом и духом в привычном нам мире, в один прекрасный момент становились совершенно беспомощными перед хилыми и замкнутыми в себе аутистами.

Конечно, в совершенно определенных ситуациях. И именно такими ситуациями занимался Кэвин.

О, каким же томительным было ожидание очередного задания! Боже, насколько отвратительно было ощущать себя в этом хлипком, болезненном теле, когда в сознании уже жило ощущение подлинной свободы и могущества!

Он занимался своим делом не ради довольно высокого жалованья, премиальных и уж тем более не ради наград начальства. На кой черт нужны награды уродливому получеловеку!

Нет! Он служил ради тех минут подлинной жизни, которые дарило ему каждое новое задание. О, была б его воля – он продлевал каждое из них до бесконечности!

Но, к сожалению, это невозможно. И он снова и снова с брезгливым стоном приходил в себя после возвращения. Казалось, лучше бы он никогда не знал ничего иного. Но – стоп! Нельзя предаваться слабости. Особенно теперь, когда он знает себе цену и ощутил наконец свою подлинную сущность.

Надо просто найти выход.

И навсегда стать тем – лучшим собою, полным силы, уверенности и радости жизни.

Настоящим.

Часть первая

Сегодня много говорят о потере молодежи, но по-настоящему осознать масштабы этого явления можно только на конкретных примерах. Недавно в США прошла международная конференция в области нейронаук – 30 тысяч участников, это направление сейчас на пике развития. Там было примерно 300 наших ученых, теперь работающих в Америке и других странах, и только 8 приехали непосредственно из России.

Из интервью Сергея Капицы

Глава первая

Нырок прошел штатно, и некоторое время Никита наслаждался ощущением невероятной легкости и ясности мысли. Хотелось прыгать от восторга и смеяться. Поэтому следовало немного посидеть с закрытыми глазами и помедитировать, как учил Стас.

Потом предстояло медленно открыть глаза и встать. И так же неспешно изучить взглядом этот новый мир.

«Будь внимателен, – говорил Стас. – Ты попадаешь в агрессивную среду.словно вирус в чужую иммунную систему. Если хочешь уцелеть – и действуй как вирус: сам стань частью этого организма...»

Очень непросто было понять объяснения Стаса по поводу всего происходящего здесь. Ведь сам он имел только теоретическое представление о проекте, которым руководил. Нормальным взрослым здесь было не место. Никита видел, что происходило с ними после всплытия – они выглядели абсолютными безумцами и требовали психологической помощи.

Впрочем, найти таких, как Никита, тоже было непросто. И в Конторе была придумана целая система для выявления потенциальных ныряльщиков. Хотя, говорят, у противника ныряльщиками были и взрослые. Проверить это пока не удалось.

Никита снова закрыл глаза и медленно втянул в себя воздух этого мира. И тут же закашлялся: воздух был душен и наполнен гарью. Никита тряхнул головой и осмотрелся. Глаза уже привыкли к полумраку, и теперь неподалеку угадывались грязные кирпичные стены. Под стеной длинным рядом стояли переполненные мусорные ящики, из-под которых вытекали черные вонючие лужи...

– Нормально, – сказал себе Никита и пошел вдоль стены на свет далекого фонаря: в этом углу все фонари были разбиты.

Прежде всего необходимо было оглядеться и понять, что к чему в этих трущобах. И, конечно же, следовало опасаться сейверов.

Самое неприятное – это начало, когда неизвестны еще правила игры и трудно отличить сейвера от других, более безобидных обитателей. Впрочем, найти нужный бокс – задача куда более сложная. Но искать его гораздо спокойнее, когда знаешь, откуда тебе грозит опасность.

Фонарь тускло освещал небольшой переулок, все пути к которому были завалены грудами мусора. Ближе к стене горел костер, у которого сгрудилось несколько грязных оборванцев. Тощий старик в вязаной шапочке тщетно пытался отломать доску от полуразвалившегося трухлявого ящика. Такими досками, видимо, и питался костер. Старик кряхтел и заходилился в кашле, но не оставлял своих усилий. Это был повод для контакта.

– Давайте я вам помогу, – предложил Никита.

Бродяги отвлеклись от созерцания огня и настороженно уставились на Никиту. Старик ничего не ответил, но отошел от ящика, словно уступая Никите поле для деятельности. Тот молча взялся за дело и в два счета раздербанил ящик на доски. После чего собрал их в охапку и бросил возле костра. Бродяги так же молча подвинулись, уступая Никите место.

Он сел рядом и с надеждой похлопал себя по карманам. Есть! В карманах и вправду оказалась мятая пачка сигарет и коробок спичек. Он предложил сигареты бродягам. Пачка мгновенно опустела. Последнюю он закурил сам. И усмехнулся: ведь ему запрещалось курить ТАМ. Но здесь он всегда делал то, что хотел. Если это не мешало делу, конечно.

Теперь можно было и разговор начинать.

– Привет всем, – сказал Никита, выпуская в пламя костра густую струю дыма. – Давно не был у вас. Чего здесь, в городе, новенького? Кто сейчас рулит ситуацией?

В ответ бродяги только заулыбались и принялись разводить руками. Один из них громко и нечленораздельно замычал. Никита поперхнулся.

– Так вы что, немые, что ли?! – недоуменно спросил он.

В ответ ему радостно закивали.

– Вот, блин! – с досадой сказал Никита, вставая и отряхиваясь. – А я на вас тут время трачу и сигареты! Нет, ну надо же – немые!

Он бросил на грязный асфальт смятую сигаретную пачку и пошел прочь. Бродяги проводили его взглядами.

– Кто это такой? – спросил один из «немых».

– А кто его знает? – сказал старик. – Ходят тут всякие...

...Никита вышел на широкую освещенную улицу. Однако этот электрический свет не внес ясности в ситуацию.

На улице царил хаос. Толпа била витрины магазинов и мародеры выносили на улицу все, что в состоянии были унести. Стоял невообразимый гам, то и дело раздавались выстрелы. Повсюду лежали кучи мусора, опрокинутые баки, догорали расстрелянные машины.

Внезапно раздался женский визг, сопровождаемый отвратительным хохотом: несколько мужиков с нездорово горящими взглядами потащили куда-то сопротивляющуюся девушку.

Никита шел сквозь толпу, то и дело получая толчки от беспорядочно носящихся людей. Под ногами хрустело битое стекло. В такой обстановке трудно было завести разговор с незнакомыми людьми.

Внезапно перед глазами возникло перекошенное лицо с округлившимися глазами в черных впадинах глазниц. Всклокоченные редкие волосы были подернуты сединой и грязны. Никиту ухватили за воротник и заорали в лицо, обдавая зловонием нечистого дыхания:

– И ты! И ты тоже умрешь! Все, все погибнут лютой смертью! Надо было вовремя воздавать молитвы и помнить о неизбежном возмездии!

Никита схватил безумца за тощие запястья, пытаясь оторвать того от себя, и прокричал:

– Да что случилось-то?!

Безумец выпучил глаза и захохотал в Никите в лицо, обдавая отвратительными брызгами изо рта.

– Ты! Ты не знаешь?! Ты не знаешь, что пришел конец?! Конец всему! Ха-ха-ха! Ты даже не знаешь, что умрешь вместе со всеми этими несчастными! Но у тебя еще есть время помолиться! Молись – и может, Он тебя простит... Ха-ха-ха! Как бы не так! Никому нет прощения! Умрите, грешники! Будьте вы прокляты...

Человек вырвался из Никитиной хватки и бросился прочь – нелепо, зигзагами, будто пьяный. А может, он и был пьян – Никита не очень разбирался в таких вещах.

Никиту с некоторым запозданием передернуло. Однако здесь что-то происходило, что-то жуткое. Но что именно?

Впрочем, не так это и важно. Ведь его посылали не разбираться в тонкостях устройства этого мира, а найти очередной «черный ящик». Или «бокс», как было принято говорить в Конторе.

В зависимости от структуры мира, бокс мог находиться в самых разных местах и выглядеть как угодно. На этот счет не существовало строгих инструкций. В том-то все и дело, что ныряльщику приходилось полагаться на особую, только ему свойственную интуицию, которой было лишено большинство других людей. Ну и на помощь контроллера, разумеется.

Обычно искать следовало где-нибудь в центре ближайшего от точки появления населенного пункта. Хранить боксы предпочитали в самых больших и красивых зданиях – если вообще в том или ином мире существовала архитектура как таковая. Как правило, вокруг таких зданий крутились сейверы.

...Никита остановился посреди многолюдной площади. Толпа была необыкновенно возбуждена, и вскоре Никита понял почему: здесь собирались произвести публичную расправу. Несколько оборванцев в одинаковых серых робах тащили к ближайшему фонарному столбу отчаянно вопящего толстяка в полицейской форме. На фонаре уже болталась петля из толстого провода.

Толпа возбужденно гудела в предвкушении зрелища. Большинство людей были пьяны, у многих в руках мелькало оружие. Никита только подумал было, что стоило бы убраться отсюда подобру-поздорову, как раздался вой и на площадь, буквально врезавшись в толпу, выскочило с десятков полицейских машин. Следом пискнул и громогласно пророкотал мегафон:

– Всем бросить оружие и лечь! Предупреждаю...

Слова громкоговорителя захлебнулись в грохоте выстрелов. Немедленно осела и вспыхнула одна из машин.

Толпа разбежалась во все стороны, сбивая и топча слабых и зазевавшихся. Над головами свистели пули.

Никита не успел уйти: чье-то непомерно тяжелое тело сбilo его с ног и замерло неподвижно, придавив к шершавому асфальту и окатив струей крови, хлынувшей из раскрывшегося в хрипе рта.

Когда Никите удалось освободиться, он приподнялся на локте и увидел страшную картину: площадь была завалена телами. Несколько полицейских в свете автомобильных фар медленно шли через площадь, то и дело постреливая в лежащих. И двигались они в его сторону.

«Добивают!» – обмер Никита. Дело принимало скверный оборот. Тем более что в ухе уже мяукнул тревожный сигнал контроллера: сейверы были где-то неподалеку. Надо было уносить ноги.

Никита вскочил, рванул с места что было сил и...

...наткнулся лицом на крепкий костистый кулак. Последнее, что он увидел, было плотное усатое лицо в темных очках под полицейской фуражкой.

...Никита пришел в себя от того, что кто-то нетерпеливо тряс его за плечо. Голова была тяжелой, но он быстро обрел ясность мысли: в этом мире у него нет и не может быть слишком глубокого сна. Зато наручники могут быть вполне крепкими и неудобными. Именно такими были скреплены его руки позади спинки казенного стула.

Контроллер мяукнул снова. Но Никита уже и без того предположил: случилось самое неприятное. Он попал в лапы сейверов.

Все-таки прав был Стас: мир этот был достаточно примитивен. Сейверы в форме – тому прямое подтверждение. Хотя... Хотя сигнал был слишком слаб, учитывая то, что эта комната была просто набита полицейскими. Создавалось ощущение, что сейверы все же находятся где-то за стеной...

– Ну что, так и будем молчать? – поинтересовался потный толстяк, на котором форменная рубашка, казалось, вот-вот лопнет от чрезмерного натяжения.

В кабинете, кроме толстяка, было еще человек пять полицейских, один из которых, усатый, сидя на краешке стола, буквально сверлил взглядом Никиту. Особенно неприятно выглядели составленные в углу комнаты автоматы и пистолет, прижимающий к столу бумаги: ветер от мощного вентилятора листал листы, словно знакомясь с материалами «дела».

– А что вы хотите, чтобы я сказал? – ответил Никита, чувствуя, что его мысли начали расплываться. Такая ситуация не была предусмотрена заданием. Ее просто не успели рассмотреть на тренинге.

– Кто вы? Ваше имя и место проживания! Как вы оказались среди бунтовщиков?

– Я... Я не знаю... – потерянно сказал Никита и внутренне отругал себя: он так и не научился вести себя, как настоящий взрослый.

– Что вы мямлите? – скривился толстяк. – Вас взяли на том самом месте, где собирались расправиться с полковником Мишиным. Все законопослушные граждане давно покинули город. Документов у вас нет. Поэтому напрашивается вопрос: кто вы и откуда...

– Я... Я случайно в вашем городе, – ответил Никита. – Сегодня приехал...

В принципе это был стандартный ответ для подобных ситуаций, и обычно такого ответа вполне хватало.

– Ложь! – отрезал тот, что сидел на столе. – Город уже неделю оцеплен. Если вы приехали – то через какой пост? По чьему разрешению?

Никита почувствовал, что краснеет. Будто стоя у доски, не в силах рассказать невыученный урок.

– Я... Я приехал... – Он не знал, что ему говорить. За год работы в Конторе он так толком и не научился врать!

Усатый вдруг, легко соскочив со стола, подошел к Никите и резким движением разорвал на том рубашку. Никита вжал голову в плечи, ожидая удара.

– Я не знаю, о чем мы здесь разговариваем, – сквозь зубы процедил усатый. – Посмотрите, какая у него на плече наколка! Это же знак десантного спецподразделения ВВС Окраины!

Полицейские переглянулись. Их руки невольно потянулись к оружию. Толстяк медленно поднялся, возвысившись над столом бесформенным холмом.

– А что здесь могло понадобиться Окраине? – растерянно произнес он.

– А вот это и надо выяснить у нашего нового друга, – недобро произнес усатый. – Не имеют ли отношение шпионы Окраины к бунту в пересылочной тюрьме? Будем нормально разговаривать или перейдем к допросу с пристрастием?

Никите выражение про «допрос с пристрастием» показалось знакомым. Причем неприятно знакомым.

И еще он понял, что объяснять полицейским, откуда у него тело этого десантника, бесполезно. Вообще говорить что бы то ни было – только напрашиваться на новые подозрения. Близость невидимых сейверов вызывала ощущение крайнего дискомфорта. Ведь сейверы способны не только защитить бокс от вторжения. Они запросто могут помешать ныряльщику вынырнуть.

А это уже серьезно.

Поэтому, решил Никита, видимо, придется раскрыться. Это был крайне нежелательный шаг: раскрываться следовало только при непосредственном контакте с боксом. Тогда можно было хватать ящик и тикать от сейверов в укромное место, где его не найдут положенные на всплытие семь минут...

А Никита ужасно не хотел проколоться! Ведь у него уже был один прокол. После второго, по неписаным, но строгим правилам, его выкинут из проекта. А это было равносильно катастрофе.

Он только-только начинал чувствовать себя настоящим ныряльщиком, только ощутил подлинное удовольствие от своей силы и незаменимости для общего дела! Что он там – в обыч-

ном мире, где даже Катя смотрит на него, как на ни на что не годного ребенка?! Вся его жизнь – только в очередном нырке!

Не говоря уж о том, что он останется без обещанного поступления без экзаменов в любой вуз страны! Конечно, какую-нибудь компенсацию он получит, но...

«О чем я думаю, елки-молалки?! – одернул себя Никита. – Давай же, Ник, возьми себя в руки, ты сможешь!»

Это задание он не провалит! Он просто не может себе этого позволить.

Он пока не будет раскрываться. Главное – никакой паники. Вначале разберемся с наручниками. Затем надо выяснить – кто же здесь выполняет роль сейверов... А до этого нужно тянуть время...

– Я не с Окраины, – сказал Никита. – Это мы с друзьями по глупости такие татуировки сделали...

– По глупости? – хмыкнул усатый. – То есть три года тюрьмы за пропаганду в пользу врага вас не испугали? Ладно, не будем терять времени. Давайте-ка в камеру его, до поры до времени... Пусть контрразведка разбирается...

Из-под Никиты выдернули стул, а самого его довольно грубо подтолкнули к двери. В длинном, скупо освещенном коридоре, по которому его вели, в некоторых местах стены заменяли вертикальные толстые прутья, за которыми на длинных скамьях томились задержанные. Никита снова получил предупреждение от контроллера и с удивлением глянул за решетку.

Прислонившись к прутьям, его внимательно изучали несколько человек в одинаковых серых робах. Сомнений не осталось: эти задержанные и были местными сейверами! Где же он видел такую одежду? Точно – на площади. Бунт... Бунт в тюрьме? Тогда становится понятно: здешние сейверы – самые натуральные ээки. Отсюда напрашивался весьма неожиданный и неприятный вывод...

Сделать вывод Никита не успел. Его втолкнули в одну из зарешеченных ниш. И сняли наручники.

Зря они все-таки это сделали. Потому что даже нераскрывшийся ныряльщик обладает куда более острой реакцией и силой по сравнению с простыми смертными из местных.

Двое полицейских из его конвоя сразу же отлетели к стенам. Третий, что оставался снаружи, попытался захлопнуть решетчатую дверь. Но между ней и стальной рамой вклинился Никитин ботинок. И полицейский полетел в камеру, к товарищам. Никто из них так и не успел произнести ни звука.

Теперь у Никиты был пистолет. На всякий пожарный...

Он быстро направился к выходу, который, как он предполагал, должен был находиться в противоположной от тупика с камерами стороне. Когда он шел мимо очередной клетки (в этом участке было поразительно много камер!), его ухватили за ремень чьи-то цепкие руки.

Никита обернулся.

Это был один из тех беглых ээков. Он крепко держал Никиту, а его вдавленное в решетку лицо было страшным, испещренным сетью глубоких морщин и шрамов.

– Кто ты?! – прохрипел ээк, глаза которого наполнились вдруг нездоровым блеском.

«Начинается», – подумал Никита и не без труда вырвался из цепких лап.

Теперь сейверы забеспокоятся. Они еще толком не знают, что к чему, но проникновение чужака наверняка почувствовали. Поэтому следовало торопиться.

Выскочив на улицу, Никита огляделся. И сразу понял, о чем же напрашивался тот самый вывод.

Перед ним было массивное мрачное здание с маленькими окошками, окутанное колючей проволокой по граням и увенчанное вышкой с бегаящим лучом прожектора. В довершение всего оно было окружено кольцом солдат и легкой бронетехникой. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: это и есть та самая тюрьма, о которой говорил полицейский.

Перед глазами появилась знакомая оранжевая точка. Контроллер указывал на близость бокса.

Конечно, если в этом мире сейверами являются заключенные, то по логике вещей бокс должен находиться у них под боком.

То есть в тюрьме.

– Замечательно, – сказал себе Никита.

Этого-то он и боялся...

С такой ситуацией он еще не сталкивался. Видимо, в этом боксе было что-то очень и очень ценное, если его запрятали столь глубоко. Это выходило за рамки простого и быстрого задания, каким его считал Стас. Инструктор в этом деле имеет право на ошибку. Слишком уж сложный и необъятный материал для работы. И в таком случае ныряльщик должен вернуться, чтобы подготовиться основательнее или чтобы уступить место более удачливому.

Некоторое время, продолжая идти вдоль армейского оцепления, Никита сомневался и обдумывал свое положение. Готов ли он уступить свое место здесь? Теперь, когда ему и впрямь – пусть даже случайно – досталось действительно непростое и важное дело?

Ни за что! Он так долго искал возможность подняться на новую ступеньку, преодолеть скептическую сдержанность спецов в его отношении! И вот он – шанс! Если он извлечет отсюда действительно ценный бокс...

– Ни с места!!! Руки за голову! – гаркнули сзади.

Никита обернулся. Следом за ним, на ходу расстегивая кобуры и щелкая затворами, неслось с десяток полицейских. Не дожидаясь ответа, они открыли огонь.

Никита мгновенно прекратил рефлексии и спокойным шагом направился в сторону оцепления. Пришла пора действовать и, что уж там, раскрываться. Никита набрал полную грудь воздуха и выдохнул, пытаясь вернуть себе утраченную уверенность.

Его остановил автоматный ствол, что весьма неприятным образом уперся ему в живот.

– Стоять! – бесцветным голосом приказал худощавый сержант, чье лицо наполовину скрывал большой полусферический шлем. – Куда?

Никита осторожно взялся за ствол правой рукой и притянул сержанта к себе. Тот не сопротивлялся, глядя Никите в глаза, будто кролик, смотрящий на удава. Когда закрытое массивным наростом шлема ухо сержанта оказалось возле Никитино лица, Никита сказал:

– Друг, помоги! Мне очень надо пройти вовнутрь. Возьми еще пятерых бойцов и пошли со мной. Но вначале избавь меня от этих идиотов полицейских...

Сержант медленно кивнул и сделал знак «все в порядке» подбежавшим было на помощь солдатам.

После чего обернулся и без лишних слов выпустил две короткие очереди поверх голов приблизившихся полицейских. Те бросились на землю и поползли назад, разражаясь недоуменными криками и проклятиями. Сержант улыбнулся и выжидающе глянул на Никиту.

Сила убеждения у ныряльщика была весьма серьезным козырем. Но оказывалась совершенно бесполезной в отношении сейверов. Теперь он был окончательно открыт, и эти злобные твари будут искать первого удобного случая, чтобы найти его и разорвать на куски. Одна надежда на то, что они по-прежнему за решеткой...

– Впечатляет! – похвалил Никита сержанта и кивнул в сторону массивных ворот, ведущих, очевидно, во внутренний двор тюрьмы. – Теперь веди меня вовнутрь, а то я не местный. Не знаю я, что тут у вас и где...

...Они прошли длинной темной аркой, битком набитой вооруженной охраной. Как ни странно, у вошедших не спросили ни документов, ни цели посещения, удовольствовавшись обменом приветствиями с сержантом. Видимо, только что здесь действительно было жарко: под ногами звенели стреляные гильзы, бетонный пол был в подозрительных бурых пятнах.

Никита прислушался к голосу контроллера. Точка перед глазами превратилась в яркое пятно. Начинаясь привычная уже игра в «тепло-холодно». Бокс явно был совсем близко. Ближе было только невероятное количество сейверов.

...Этот мир был мрачен и неблагоприятен. Никиту тяготил его душный воздух, атмосфера взаимной ненависти и безнадежности. В таком он оказался впервые и стремился побыстрее выполнить задание, с тем чтобы покинуть его и облегченно вздохнуть. А пока он шел позади сержанта в ту сторону, куда влекла его мерцающая оранжевая точка.

Когда они вошли в длинную галерею из массивных железных дверей, вслед за ними раздался невероятный, нагоняющий волны страха, шум. В двери принялись колотить изнутри руками и ногами, ругань и крики слились в один многоголосый вой, что, многократно отражаясь от стен, принялся носиться под мрачными тюремными сводами.

Солдаты недоуменно озирались. Никита сжал зубы: это сейверы. Почуяли чужого. Ну, ничего. Он почти добрался до места...

Тепло. Еще теплее. Горячо!

Никита остановился перед массивной, прокованной крупными заклепками дверью, покрашенной отвратительной зеленой краской с подтеками. Коснулся ее.

Дверь была теплой на ощупь. Конечно, только для него.

Там, за дверью, его уже ждали. Как ни странно, в полной тишине. И эта тишина не предвещала ничего хорошего.

Никита закрыл глаза и вдохнул. Потом сжал кулаки.

И раскрылся полностью.

Железная дверь жалобно взвизгнула и, прогнувшись под ударом ноги, слетела с петель. Никита ворвался в камеру.

Со всех сторон – притаившиеся за дверью, сидящие на верхних нарах, все прочие – кинулись на него. Но Никита словно не замечал повисших на нем, визжащих, вцепившихся ногтями и зубами тел. Он шел вперед к забранному решеткой окну. Туда, где, покрытый с ног до головы жуткими тюремными наколками, сидел у стола в одних шортах главный сейвер.

На лице его было удивление. Наверное, не часто тому доводилось видеть такую наглость пришельцев из чужого мира. Кто он там был в этой тюремной иерархии – пахан, бугор, вор в законе, – этого Никита не знал, да и знать-то, в общем, не хотел. Главное – на шее того, на массивной золотой цепи, сверкая и переливаясь всеми цветами спектра, висел бокс. Точнее – потемневшая от времени и пота ладанка, форму которой принял в этом мире бокс.

Никита напряг все силы, чтобы сбросить с себя балласт из нависших на нем тел. Еще потребовалось испытать реакцию главного сейвера. Все же Никита оказался быстрее и нанес удар первым. После чего сорвал бокс с толстой татуированной шеи и бросился назад, к дверному проему, где маячили автоматные стволы и недоуменные лица заговоренных им же солдат.

– Уходим! Прикройте меня! – проорал Никита, вырывая ногу из цепких лап какого-то лысого редкозубого уголовника.

Он, не оборачиваясь, мчался вперед, а сзади уже грохотали автоматные очереди и по звериному рычали подстреленные преследователи.

Оставшись в одиночестве, Никита быстро сообразил, что заблудился. Он метался по коридорам, натываясь на решетчатые двери, то и дело преграждавшие путь, и выбивал их ногами. Наконец, он ворвался в небольшое помещение – тоже вроде камеры, только с большим по размеру окном (опять же – с решеткой), столом, шкафом и парой стульев. Такое помещение для допросов он видел в кино. Окно было на уровне второго этажа и выходило во внутренний дворик. Никита с упавшим сердцем увидел, как туда потоком, словно на прогулку, побрели заключенные. Он не сомневался, что никакая это не прогулка – просто его ждут на единственно возможном пути к отступлению.

Поэтому уход отменялся. Никита захлопнул дверь и задвинул большую железную щеколду. Оставалось надеяться, что она выдержит положенные семь минут...

Никита сел на пол и расслабился, зажав бокс в потной ладони.

Когда в дверь заколотили, он блаженно улыбнулся – так полагалось.

Когда в дверь принялись долбить чем-то тяжелым, он принялся медленно раскачиваться из стороны в сторону, произнося положенную формулу.

Когда в дверь принялись стрелять, он начал засыпать.

Когда в помещение ворвались вооруженные люди, там уже никого не было.

Ведь этот недоумевающий человек, растерянно сидящий на полу, совсем не был их настоящей целью.

Никита ел с неохотой. Appetita не было совершенно. Перед глазами мелькали оскаленные злобные лица, грязные стены и кровавые пятна. На этом фоне довольно бледно смотрелась мысль о том, что он не подготовился к контрольной.

Контрольные, уроки, задачки, примеры... Иногда ему казалось, что все это из какой-то другой жизни. В конце концов с некоторых пор хилый и невзрачный мальчишка он только внешне.

– Ты, часом, не заболел, сынок? – Мать потрогала его лоб тыльной стороной ладони и покачала головой.

– Да не, мам, – скривился Никита, ковыряя вилкой куриную ляжку. Курицу в кляре он любил, но сейчас она просто отказывалась лезть в рот.

– Ну, смотри... А может, не пойдешь в школу? – предложила мать.

– Я... Я не знаю... – промямлил Никита и нехотя вылез из-за стола. – Да нет, пойду, наверное... Куда я сумку засунул?..

Он принялся обыскивать свою комнату, которая выглядела, пожалуй, как кабинет Берии после обыска. Наводить здесь порядок было, казалось, каким-то совершенно ненужным делом. Как возведение ледяных статуй накануне весны.

Он открыл дверцу шкафа, и оттуда на него высыпалась гора старых, кое-как напиханных вовнутрь, игрушек.

Никита поднял с пола большую фигуру Трансформера. Когда-то она могла двигаться, сверкать глазами и даже стрелять тонким и безобидным лазерным лучом. Последнюю способность Трансформеру придал сам Никита, примотав проволокой к его руке маленькую лазерную указку. Теперь этот пластмассовый супергерой подернулся пылью и навсегда застыл с вытянутым вперед манипулятором.

Время игрушек прошло.

Но и выкидывать их было жалко. Слишком уж недавно прошло это время. К тому же все это добро еще пригодится младшему братишке.

...В школу он все же не пошел. Он направился в сквер, где был велик шанс наткнуться на приятелей-прогульчиков. Что и не замедлило подтвердиться.

– Здоров, пацаны! Чего нового?

– А чего тут нового? Весна, жара. В школу неохота. Пиво будешь, Ник?

– Пиво? Хм... А черт, нет. Мне ж нельзя.

– Мать допинг-контроль проводит?

– Что-то типа того...

– Ну, как хочешь...

Никита почти не соврал. Допинг-контроль действительно имел место. Только, конечно, не дома. Впрочем, какая разница?

Друзья сидели у гранитного борта фонтана и лениво поглядывали на проходящих мимо девчонок. Велосипеды грудой лежали у поцарапанных, а у кого-то и забинтованных ног. Ведь

если кататься просто по прямой, а не прыгать на верных байках через бордюры и скамейки, то не стоило и начинать это бесполезное занятие. Только экстрим в этой жизни имел хоть какое-то значение. Не уроки ж учить, честное слово!

– Ну, что делать будем? – спросил Никита.

– Как что? Жорж ведь Сиду проспорил. Будет отрабатывать, а мы – смотреть, – хмыкнул Генка.

– Да? – обрадовался Никита. – Я что-то пропустил?

– Как всегда, – ответил Генка с легким укором в голосе. – Ты ж у нас умный шибко. Сидишь, как какой-то ботаник, в книжки пялишься. А настоящая жизнь мимо тебя проходит. Тут пацаны такие «коры» отмачивали – я не могу! Жоржик поспорил с Сидом, кто больше кирпичей о свою башку разобьет. Ну, помнишь, этот фильм про спецназовцев? А вчера ни с того ни с сего Жорж давай себя пяткой в грудь дубасить: я, мол, это тоже могу запросто! А Сид его на смех поднял. Так чуть до драки не дошло. А жаль, интересно бы было посмотреть. Но потом решили: кто проиграет, тот на колесах прыгнет между девятиэтажками. Ну, эти, которые углами почти сходятся, ну, ты понял? Ну что, пошли на стройку, набрали кирпичей. Сид, не будь дурак, бейсболку напялил, а под нее велоперчатки кинул. Ну и шваркнул кирпич себе об чайник. Нормально, раскокал. А Жорж, дурень, просто схватил булыжник и о лоб его себе ка-ак хряснул! Вырубился в ту же секунду! Но очнулся, правда, быстро. Ну и сегодня будет свой должок отрабатывать. Только он же трус – как это он сделает, даже не знаю! Так что посмотрим, поржем!

– Да уж, – хмыкнул Никита. – Заставь дурака богу молиться...

– Чего? – не понял Генка.

– Да так, проехали, – ответил Никита и с сомнением посмотрел на бутылку пива в руках приятеля. – Дай все-таки хлебнуть, а?

...На крыше собралась довольно большая компания. Не все тут друг друга знали, да этого, в общем, и не требовалось, чтобы тусоваться в свое удовольствие. Кто-то умудрился притащить огромные колонки и даже потрепанный микшерский пульт. Под ломаный бит незнакомые ребята удивляли прочих хитрыми кульбитами брейка. Какие-то смельчаки на скейтах разъезжали по бордюру, производя впечатление на пирсингованных малолеток.

Особняком держалось небольшое стадо байкеров. На своих крепких «Stock», «MOD» «VMX» неуклюжие длинноволосые парни держались лучше, чем на ногах. Это была особая каста, доступ в которую получить не так уж и просто: на пешеходов эти ребята смотрели свысока. Они знали цену собственным трюкам.

Никита подошел к бордюру и глянул вниз. У него немедленно закружилась голова, и он отшатнулся назад.

Сердце беспокойно заколотилось, ноги подогнулись, и он опустился на нервно постеленный рубероид крыши.

– Что, нервишки шалят? – хохотнул заметивший это Жорж.

Никита только криво улыбнулся в ответ.

О, как он мечтал стать такими же, как они, – ловким, не ведающим сомнений и страха! Чтобы, не раздумывая, прыгнуть на скейтборде на скользкий поручень лестницы или ловко залезть по балконам на крышу пятиэтажки! А упав и поднявшись, – снова и снова совершать головокружные трюки!

Он ничего этого не мог. Совершенно непреодолимый страх удерживал его в многочисленных попытках стать героем в глазах...

В глазах Кати.

Вон она, с интересом наблюдает за приготовлениями Жоржика – того, кто должен совершить нечто безумное – сигануть на своем навороченном «горном» байке через пропасть пяти-

метровой ширины. Ради этого события собрались здесь любители острых ощущений со всего района, и, конечно же, посмотреть на это пришла Катя.

Катю всегда возбуждали ребята, совершающие подобные безумства. У нее была слабость к потенциальным самоубийцам.

И именно поэтому она даже не посмотрит в сторону Никиты. А тот никогда не сможет совершить ничего подобного...

Но если бы она знала! Если бы она знала правду о нем! Она бы отдалась ему сразу и безропотно. Ведь то, что он скрывает – гораздо интереснее, опаснее и значительнее всех этих ребячеств!

Но она никогда не сможет узнать об этом. И Никита, стиснув зубы, будет тихо страдать дальше...

К Никите подошла Лиза. Та самая, с которой они когда-то сидели за одной партой. В восьмом классе их перераспределили. Но Лиза по-прежнему питала явную симпатию к Никите. Однако тому совершенно не нравилась неказистая конопатая девчонка со слегка раскосым взглядом. Что говорить – обычная история...

– Привет, – сказала Лиза. – А ты чего не в школе? Что-то на тебя это не похоже. Никогда не слышала, чтобы ты сачковал.

– А что я, лысый, что ли? – огрызнулся Никита. – Что я, не человек? Что я, двойку получить хоть раз в жизни не имею права?

– Имеешь-имеешь! – ничуть не обиделась Лиза и уселась на рубероид рядом. – Так спросила. Просто удивилась, что ты сюда пришел...

– Удивилась... – буркнул Никита и вдруг успокоился. – А почему ты сама не думаешь об учебе? Неужели не собираешься никуда поступать после школы?

Лиза посмотрела на Никиту как на безумца и прыснула со смеху:

– Ты чего? Я – поступать?! Чтобы весь район меня дурой считал?

– Извини, я не хотел тебя обидеть, – пробормотал Никита. – О, смотри, Жорж прыгать собрался! Пойдем посмотрим?

Толпа зрителей колыхалась у края крыши, угрожая невзначай столкнуть вниз самых смелых, сидевших на ее краю, свесив ноги в пропасть. Внизу слышались сигналы патрульных машин: жильцы уже успели вызвать милицию, чтобы та разогнала слишком уж шумную компанию наверху.

Поэтому Жорж торопился. Он еще раз проверил импровизированный трамплин из досок, положенных одним концом на угол бордюра, и отъехал подальше для разгона. Затем поднял над головой руки в обрубленных на пальцах перчатках и прокричал:

– У-ху!!!

Зрители разразились криками и свистом. Колонки взревели музыкой. Катя довольно призывно выгнулась и послала герою воздушный поцелуй.

Жорж улыбнулся, перебарывая сковывающий тело ужас, и налег на педали.

Он разогнался быстрее и быстрее – как обычно, когда он совершал такой прыжок над родным и таким близким асфальтом. Подобных прыжков он совершил сотни. И только треть из них была неудачной.

Неудачной...

Скорость все возрастала, и пропорционально ей рос страх. И наконец, перед самым трамплином, спрятанный в глубинах души сосуд со страхом взорвался. Сила, словно испарившись, мгновенно ушла из ног. И в последний миг, когда надо было изо всех сил раскручивать колеса, Жорж пронесся по инерции.

Под восторженный многоголосый крик он описал дугу над лежащим далеко внизу двором и...

...врезался колесом в угол бордюра крыши соседнего дома.

Его вопль потонул в криках зрителей – вольных и невольных, включая тех, что наблюдали происходящее снизу. Некоторые бросились вон с крыши, на помощь. Другие – быстро уносили аппаратуру, третьи вообще стремились поскорее исчезнуть с места происшествия.

...Над телом смельчака, пытаясь привести того в чувство, склонились милиционеры – «скорая» еще не успела подъехать.

А сверху на него смотрела Катя. С сожалением и... разочарованием.

Увиденное не успело еще улечься в сознании Никиты, как завибрировал телефон в кармане его джинсов.

Пришла эсэмэска: «Домой! Папа зовет».

Никита нахмурился и посерьезнел. Опять предстояла работа. И ощущение предстоящего снова наполнило жизнь смыслом, а душу – уверенностью и решимостью.

Он окинул взглядом тревожную суету вокруг и едва заметно улыбнулся.

Как все-таки мелки проблемы этого тесного мира!

Стас чувствовал, что смертельно устал. Последняя перебежка далась ему очень непросто. Все проводилось, как обычно, под покровом ночи. Но на этот раз последовал неожиданный приказ: спутать следы. Поэтому перебежка получилась двойная плюс одна ложная.

Поскольку оборудование приходилось таскать самому и притом быстро, руки теперь были содраны в кровь и дрожали, словно у закоренелого наркомана.

Хотелось задать себе вопрос: когда же это все кончится? Но вопрос этот был бесполезен, потому что имел очевидный ответ: не скоро. И винить в этом было некого.

Стас полулежал на складном стуле и тупо пялился в монитор, по которому, словно амеба, металась безмозглая заставка скринсейвера.

Скрипнула дверь. В помещение ввалились две фигуры в кожаных куртках и джинсах. Фигуры казались совершенно одинаковыми, так как венчались похожими, крепкими, коротко стриженными затылками.

– Здравствуйте, – машинально сказал Стас, продолжая, однако, сидеть в своем кресле.

Вошедшие не ответили. Они вообще не страдали излишней болтливостью. Впрочем, в круг их обязанностей не входило развлекать сотрудников разговорами. Они просто доставляли Стасу работу.

Натужно отдуваясь, они довольно небрежно бросили на пол большой бумажный мешок с надписью «Цемент». После чего один из вошедших щелкнул неприятного вида перочинным ножом и аккуратно вскрыл мешок.

Цемент в мешке не оказалось. Стас не был строителем, и для работы ему не требовались стройматериалы. Он работал с людьми.

Поэтому он с интересом наблюдал, как из мешка извлекают бесчувственное тело с заклеенными скотчем ртом и глазами. В организации, которую представляли принесшие его ребята, умели отключать на нужное время даже самых крепких парней, но в то же время в случае необходимости могли разговорить и покойника.

Тело утащили в изолятор. Скоро на него придет и конкретное задание. Не имело смысла даже гадать, какие вопросы встанут перед Стасом и его группой.

Офис Управления интеллектуальной безопасности, или попросту Конторы, был самой секретной игрушкой государства. Начать с того, что его вообще не существовало на бумаге. Все положения и инструкции по нему носили исключительно электронный и устный характер.

Более того – у офиса не было собственного помещения. Контора постоянно кочевала по «конспиративным квартирам», точнее, по зданиям, подвалам, складам и баракам. Это было вызвано совершенной незащищенностью информации против нового врага. Враг этот был страшнее вируса СПИДа и грозил государству самыми непоправимыми разрушениями.

Имя врагу было – глупость.

Уже давно стало ясно, как день, что благосостояние и безопасность нации определяются не столько пушками и ракетами, сколько интеллектуальной мощью. Власть это прекрасно понимала и не жалела средств на воспитание интеллектуальной элиты. Но ту мало было просто вырастить и обучить – наступало время, и «умники» тоже начинали понимать собственную цену и принимались крутить носом. Одно время еще можно было держать их в «шарашках» и заставлять горбатиться, что называется, «за идею». Но те времена ушли безвозвратно. И ученые потянулись прочь из родимого гнезда – в поисках лучшей доли.

И интеллект страны начал неуклонно ослабевать.

Нужно было принимать какие-то меры. Правительство лихорадочно искало способы оставить свое «умное золото» на родине. Оно повышало зарплаты, раздавало квартиры, организовывало заманчивые проекты. Но...

Было слишком поздно. Страна уже не могла себе позволить серьезную науку. Соответственно и экономика скатывалась к совершенно пещерному уровню. И это было только полбеды.

Когда интеллектуальная катастрофа в стране стала очевидной для недоброжелателей, кое-кто заговорил о слабости режима, владеющего при этом ядерным оружием.

Страна почувствовала себя умирающим львом в окружении стаи гиен, готовых кинуться на того и растерзать в клочья, едва на его глаза опустятся усталые веки. Никто не считал соседей врагами – вовсе нет! Более того, возможно, более сильные теперь страны и впрямь считали себя обязанными в случае необходимости навязать свою помощь – «во имя всеобщей безопасности».

Только хотел ли этого обескровленный народ, от которого бежали прочь самые лучшие его представители?

Лучшие ли – это еще вопрос, думал Стас. Хочется верить, что лучшие все же вкалывают здесь, в том же управлении. Разве можно считать достоинством человека тот страшный эгоизм, что неуклонно тянет «умников» за кордон, к обеспеченной и благополучной жизни? Ведь свои знания – главный свой капитал – они получили в этой обедневшей и не слишком счастливой стране... Впрочем, что говорить, чисто по-человечески, да и формально, они имеют право на выбор...

Так же, как и страна – на собственную безопасность.

Ведь вопрос не стоял бы так остро, если бы некие таинственные силы не пытались использовать возникшее положение, чтобы «добить» ситуацию до логического конца: до крупницы высосать интеллект страны. Свести ее к состоянию полной недееспособности.

Стас, кряхтя, поднялся и прошелся по помещению, чтобы размять ноги. На этот раз управление спряталось в подвале детского садика. Конечно, нельзя было подвергать детей опасности. И Стас убеждал себя, что Контора здесь ненадолго. Хотя, как говорится, нет ничего более постоянного, чем временное...

Там, наверху, беззаботно растут, играют и слушают добрых воспитательниц малыши. Смешные и трогательные – пока они еще так похожи друг на друга, и совершенно невозможно сказать, кто из них станет водопроводчиком, а кто – писателем, кто – прапорщиком, а кто – генеральным конструктором. У них еще все впереди, и это так здорово...

Стас же пребывал в невыносимо напряженном настоящем. И самое тяжелое для него заключалось в том, что от него самого меньше всего зависел исход той странной войны, которую вело его ведомство из самых последних сил.

Ведь в этой войне главные роли были отданы детям.

Вернее, подросткам, уже выросшим из возраста игры в солдатики, но не заостеневшим еще в своем мировоззрении. Парадокс этой войны заключался в том, что борьбу за интеллект нации вели далеко не самые умные, далеко не самые образованные и, уж точно, не самые опытные – бойцы. Опыт попросту не успевал накапливаться.

Вот еще одна из причин, почему Конторы не существовало официально. Ни один чиновник не сможет открыто признаться в том, что детей сознательно подвергают смертельной опасности. Пусть даже во имя выживания государства.

Так или иначе, альтернативой не могло служить ни одно качество, присущее «нормальным» взрослым.

Главной ударной силой в этой войне была фантазия.

И странное устройство на основе синеватого кристалла непонятной природы, что попало в руки спецов от молчаливых разведчиков. Что это такое – толком не мог сказать никто. Как и назвать его разработчиков. Создали ли его американцы, японцы и еще черт знает какие умники – непонятно. Что было известно, так это то, что оно непостижимым образом позволило сделать потрясающее открытие.

В сознании каждого человека была заключена Вселенная.

Она могла быть разная – как по размеру, так и по особенностям своего устройства. Но, как это ни странно звучит, была совершенно материальна и наполнена разумными существами со своей собственной жизнью, радостями и горестями, желаниями и надеждами...

Самым поразительным было то, что прибор позволял не только познать эту тайну, но и совершать краткосрочные визиты в миры отдельных людей, знакомясь с их обитателями и даже участвуя в происходящей там жизни...

Ученые – из тех, кто был допущен к тайне – попросту сходили с ума от понимания грандиозности открытия и еще больше – от невозможности обсуждать его во всеулышание.

Ведь прибор, прозванный кем-то «Челноком», был вручен Конторе исключительно с прикладными целями – для борьбы с невидимым врагом. Тем, что уже с достаточной регулярностью шарил по сознаниям соотечественников, похищая ценные знания и окончательно обескровливая интеллект нации.

Спецам не так уж много удалось выяснить о свойствах Челнока. Самым неприятным оказалось то, что самим ученым путь туда был закрыт. На свой борт Челнок принимал только маленьких детей и очень ограниченное число подростков. Объяснений этому пока не находилось. Но для полноценной работы Конторы пришлось нелегально завербовать несколько 14– и 15-летних пацанов, прошедших специальные тесты. Дети помладше, конечно же, отпадали.

Ведь «ныряние» в чужие миры было сопряжено с самым реальным риском для жизни.

Ныряльщик обычно использовал для своего существования в чужой Вселенной выбранное Челноком тело местного обитателя. И возможная гибель того грозила смертью и визитеру. Ведь процесс «всплытия» длился не менее семи минут.

А ребят отправляли туда отнюдь не на экскурсии.

В общем, проблема была крайне щекотливая и невероятно скандальная – особенно если бы правду узнали недоброжелатели за границей.

Вот и сейчас Стас с волнением ждал возвращения Никиты, которого послал в недра мерзкого сознания уголовника Кочета за информацией, которой тот никак не желал делиться с контрразведкой. Видимо, это была очень серьезная информация, если контрразведчики не смогли выбить ее привычными методами.

Впрочем, Кочет мог оказаться и просто носителем. Если ныряльщик другой стороны оставил в его сознании бокс – хранилище информации – с целью транспортировки или по каким другим причинам...

Стас не хотел посылать Никиту. Тот был уже слишком стар – почти пятнадцать лет, и это давало о себе знать. В прошлый раз его чуть не схватили сейверы – защитники информации, которых генерировало сознание носителя, что-то вроде фагоцитов в крови. Но Руслан, на которого он рассчитывал, совершенно некстати заболел ангиной, и пришлось рисковать.

Глядя на Никиту, лежащего на обыкновенной раскладушке, можно было подумать, что он просто спит, забыв снять большие наушники от плеера. Только на голове его были вовсе

не наушники, а замаскированный таким ненавязчивым образом Челнок. В соседней комнате в наручниках скучал сам Кочет. Его поместили маркером – тонким световым пятнышком из недр Челнока, и теперь его внутренний мир стал целью для нырка. Кочет мог спать, насвистывать блатные песни, плевать в потолок, угрожать расправой сотрудникам – это не имело значения для того, что творилось в его душе.

Ведь и у него, как у каждого человека, была внутри своя Вселенная.

Глава вторая

Никита смотрел в открытое окно, наблюдая за взаимными маневрами на соседней крыше двух матерых, изрядно подранных котов. Что они не поделили, сразу и не поймешь, но были в их движениях сила, ловкость и готовность, словно на пружине, подкинуть свое тело – нападая или отскакивая от удара когтистой лапы. Невероятно противный вой сопровождал ритуальные смотрины – глаза в глаза.

– Никита, вынеси мусор! – раздался из соседней комнаты голос матери.

Тут же появилась и она сама, держа на руках братишку – с вымазанной шоколадом недоуменной физиономией. Протянутой рукой тот продемонстрировал разодранную обертку.

– Ага. Сейчас, – нехотя отозвался Никита.

Коты разом взвыли и зашипели. Наступала развязка. Но Никите не удалось досмотреть бой: в семье не было заведено повторять дважды. Никита старался не огорчать мать, которая в одиночку тянула на себе два быстрорастущих молодых организма.

Никита вышел из квартиры с большим пакетом мусора и пошел вниз по лестнице. В самом низу, у выхода, он наткнулся на весьма неприятную компанию: Костолома из соседнего квартала и двух его «шестерок». Они наверняка ждали Катю, что жила этажом ниже Никиты. Сердце Никиты екнуло. Он не любил конфликтов. По крайней мере – в этом мире.

– А, Ромео! – обрадовался Костолом. – Это хорошо, что ты пришел...

– Я мусор вынести... – упавшим голосом сказал Никита. Он сразу же почувствовал слабость в ногах и руках. Это было отвратительно, но негодяя из строительного колледжа он боялся до смерти.

– Мусор? – восхитился Костолом и подмигнул приятелям. – Мусор я тебе помогу вынести. Тем более что ты всегда норовишь помочь моей подружке. Портфели, говорят, ей носишь, мороженым угощаешь...

«Шестерки» заржали.

– Давай сюда свой мусор. – Костолом взял из рук Никиты пакет и заглянул в него. – У, сколько помоев. Тяжелый. Боюсь, не донесу. Ой, ой! Сейчас уроню! Упс...

И высыпал содержимое пакета Никите на голову.

Приятели зашлись в счастливом хохоте. По лицу и за шиворот Никите текло что-то весьма неприятное. Но он не мог выдавить из себя ни слова. Не то что врезать мерзавцу промеж наглых голубых глаз...

И тут случилось самое ужасное. Наверху хлопнула дверь, застучали каблук, и через несколько секунд раздался знакомый, слегка удивленный голос:

– Ник? Что с тобой?

Это была Катя. Такого позора Никита не испытывал давно.

– А это он мусор выносил, – сказал Костолом. – Пойдем?

– Пойдем, – легко отозвалась Катя и на прощание одарила Никиту презрительным взглядом.

Добил Никиту звонкий залиvistый смех.

Снизу, опершись на перила, за сценой наблюдала Лиза.

* * *

...– Ты меня слушаешь? – спросил Стас.

Никита вздрогнул и, выйдя из оцепенения, кивнул. Стас наверняка хотел сообщить ему нечто важное. Денис смотрел на Никиту с легкой усмешкой. Он считал себя более крутым ныряльщиком, несмотря на то, что был на год моложе. Хотя, может, как раз поэтому.

В помещении Конторы царил вечный полумрак, только свечение компьютерных мониторов несколько оживляло спартанскую обстановку. Шершавые стены, ржавые капающие трубы, скрипучие складные стулья – обстановка как будто подчеркивала пренебрежение ко всему, что имело ценность в этом мире.

Все настоящее было внутри. Внутри человека.

Только теперь стал понятен глубинный смысл древнего изречения «все свое ношу с собой». Каждый человек действительно представлял собой практически необъятный и самодостаточный мир.

И от этого становилось немного страшно...

– ...Так вот, – продолжил Стас, – ты, конечно, нарушил все, какие только можно, инструкции, тебя, по идее, гнать надо бы взащей. Но, как говорится, победителей не судят...

– Победителей? – не понял Никита. – Это в каком смысле?

– Бокс, который ты притащил, как оказалось, содержал очень любопытную и неожиданную информацию. – Стас поерзал в своем кресле – единственном в Конторе. – Похоже, мы получили шанс выйти на Копателя...

– Это что же – того самого?.. – встрепенулся Денис.

– Именно, – кивнул Стас.

...Это началось около пяти лет назад, когда Конторы не было даже в замыслах. Именно тогда впервые столкнулись со странным и весьма неприятным явлением: один за другим лучшие ученые-прикладники из тех, что работали на закрытых проектах, перестали быть таковыми.

Нет, они по-прежнему оставались нормальными и здоровыми людьми, могли даже продолжать работу по специальности, но...

Как будто что-то «выключалось» в их головах, пропадала «божья искра», то, из-за чего такие головы называют «светлыми». Выдающийся специалист становился попросту рядовым статистом, балластом передовой науки.

Сначала это пытались объяснить с точки зрения традиционной психологии. Но предположения о том, что проблема вызвана переутомлением, болезнями и тому подобными причинами, не выдерживали критики по одной простой причине: «выключались» именно ведущие специалисты, на которых держались целые направления и которые обладали определенными знаниями, в том числе и секретными. После воздействия феномена, который так и прозвали «выключением», накопленные знания и навыки исчезали без следа. Сам собой напрашивался вывод о чем-то злом умысле.

Когда кто-то, то ли в шутку, то ли в серьез, провел аналогию с физической «утечкой мозгов», когда накопленные знания утекали за границу вместе с носителями, вмешалась контрразведка, и разговоры прекратились.

Потому что шутник попал в точку.

Накопленный потенциал действительно куда-то «утекал», только быстро, легко и безболезненно. Очевидно, при помощи совершенно новых, ранее невиданных технологий.

Руководство страны и армейское командование никогда раньше не испытывали подобного шока. Соревнование технологий, существовавшее благодаря гонке вооружений, шло с давних времен и с довольно переменным успехом. Если и намечался отрыв одной из противоборствующих сторон – ту довольно быстро догоняли и даже несколько обходили. Так или иначе, спецы, как с одной, так и с другой стороны, примерно представляли себе возможности друг друга.

Но теперь это шаткое равновесие рухнуло. Потому что никто не представлял, каким образом можно осуществлять ТАКОЕ. Это было за гранью понимания лучших специалистов. Оставалось только опустить руки и с горечью посыпать головы пеплом.

И тут объявились представители разведки вместе с неизвестно откуда взятым Челноком. Вопросы «откуда» неизменно вызвали раздражение или просто хмурое молчание: видимо, цена этого устройства оказалась достаточно высока даже для высококлассных агентов.

Впрочем, как и цена его изучения.

Несколько экспериментаторов, пытавшихся воспользоваться устройством, сошли с ума. Четверо погибли в дебрях чужих миров, так и не вернувшись в собственные тела.

И тогда, совершенно случайно, открыли зависимость способностей к нырянию от психологического возраста.

А вскоре, не без помощи разведки, пришли к выводу: в сознании ученых копается вражеский агент. Он-то и получил прозвище Копатель...

– Ребята, – заговорил Стас, – мне очень неприятно об этом говорить, но сегодня вам придется сделать выбор...

Никита заерзал, ощутив нахлынувшее вдруг волнение. Начиналось что-то серьезное. Даже Денис перестал самодовольно ухмыляться.

Стас внимательно посмотрел на подчиненных и, стараясь говорить как можно внятнее, продолжил:

– Боюсь, что нам придется столкнуться с Копателем лицом к лицу. Точнее, это придется сделать кому-то из вас.

Стас вздохнул и нервно постучал пальцами по крышке стола.

– Кочет должен был передать Копателю координаты очередной цели. Нет сомнений – он так или иначе выйдет на этого человека. Ведь все, что ему нужно, – это всего-навсего пометить того маркером своего Челнока, или как они его сами там называют... И сделать это, кстати, может кто угодно, не обязательно он сам. Мы не знаем, откуда ожидать удара. Поэтому действовать будем по факту... Чтобы не возникало никаких подозрений, бокс мы скинем обратно – Кочету. Тот ведь не знает, что является носителем бокса, так что никаких подозрений со стороны Копателя быть не должно. Один из вас встретит его во внутреннем мире цели.

Стас встал и прошелся между столами. Его явно терзали сомнения. Он посмотрел на часы и продолжил:

– Главное, что вы должны понять: Копатель – это не резидент внутренней вселенной. Он даже не сейвер. Он самый настоящий ныряльщик. Гораздо более опытный, чем вы. К тому же взрослый. Видимо, у врага гораздо больше возможностей, чем у нас. Если бы у меня был хоть какой-то выбор... Но мы не умеем работать со взрослыми, и кроме вас некому туда идти. Я предлагаю вам подумать и при малейших сомнениях отказаться...

Никита и Денис переглянулись. Какие еще сомнения?

– Мы пойдем, – сказал Никита.

– И надерем этому Копателю задницу, – добавил Денис.

Стас невесело усмехнулся.

– Я не сомневался, – сказал он. – Пойдете вы парами. Денис, ты пойдешь с Русланом. Он завтра выходит из больницы. А ты, Никита, пойдешь в паре с одним особо секретным сотрудником...

– Особо секретным? – недоуменно переспросил Никита.

Неужели в их деле может быть что-то еще более секретное?!

Эта планета была безумно красива. Во всяком случае, Никита никогда еще не бывал в подобных местах там, на Земле. Если отсюда удастся выбраться – он обязательно объездит мир. Свой мир, конечно.

А пока надо работать. Неизвестно, сколько времени придется провести здесь – и сколько пройдет ТАМ. Ведь время – самая относительная вещь на свете. Тем более относительно разных Вселенных...

Он лежал на морском берегу на дико удобном пляже из мелкой-мелкой гальки. Синее, просто до неприличия, море разбивалось в пену у его ног. Кричали какие-то птицы – вроде чаек, только не белые, а какие-то бледно-голубые. Огромное мохнатое солнце лезло к горизонту, достаточно освещая, но не слепя, как на родной планете.

С трудом верилось, что его собственное тело сейчас лежит на узкой койке в сыром подвале детского садика, а дома к ужину его ждет мама, уверенная, что он катается с ребятами на велосипеде. Самое забавное, что здесь пройдут недели и месяцы, а там – какие-то минуты. И никто не заметит его отсутствия...

Где-то далеко из воды показалось несколько острых плавников. Это резвились существа, ужасно напоминающие земных дельфинов.

Да, интересный мир скрывался внутри этого ученого. Неудивительно, что именно он придумал такую штуку, за которую готов удавиться сам Копатель. Что это за штука – Никите так и не сказали. В принципе это не и имело особого смысла.

Задача состояла совсем в другом: найти здесь нужный бокс и спасти его от Копателя.

Легко сказать! Этот мир был огромен – не то что убогий полицейско-уголовный мирок Кочета. Здесь, очевидно, были сотни обитаемых планет, и люди, населяющие их, были не в пример умнее. Во всяком случае, на это намекали весьма продвинутые космические корабли, что стартовали с близлежащей станции. А значит, местные враги – гораздо опаснее. Но, с другой стороны, Копателю здесь должно быть не легче.

Так или иначе, у него было достаточно времени, чтобы добраться до бокса и доставить его в Контору...

Стоп. Он что, по привычке подумал о себе в единственном числе?

Никита тряхнул головой и снова посмотрел в сторону прибора.

Д-да, подумал он так напрасно. Потому что из морской пены, покачивая роскошными бедрами, в откровенном бикини в его сторону шел напарник.

Вернее, напарница.

– Вода – супер! – сказала Лиза, блаженно потягиваясь. – Чего смотришь? Красивый загар, правда?

То, что его напарницей оказалась Лиза, стало для Никиты шоком. Значит, он сидел за одной партией с суперныряльщиком, воображая себя героем и даже не подозревая о том, что именно Лиза порекомендовала его персону Конторе!

Жизнь умеет устраивать сюрпризы. Вот и теперь, в этом мире, она наделила его знакомую неказистую девчонку внешностью суперзвезды!

Никита отвел взгляд. От греха.

Лиза заметила его смущение и звонко рассмеялась. Что ж, выглядела она довольно счастливой. Как и полагается, по легенде, молодой жене преуспевающего предпринимателя.

Никита вздохнул и решил перевести мысли в деловое русло.

– Нет, ну ты скажи: почему ты такая засекреченная? Ну, чего в тебе такого особенного?

Лиза села и, изящно перевернувшись на живот, растянулась на гальке. И закрыла глаза.

– Секрет, – не раскрывая глаз, с улыбкой произнесла она.

– Нет, я серьезно, – неуверенно пододвинувшись ближе, сказал Никита.

Тоже мне, муж! Собственную жену боится! Так и легенда, чего доброго, развалится...

– Ну... – нехотя протянула Лиза. – Вот ты, к примеру, знаешь, где искать бокс?

– Пока нет, – отозвался Никита. – Но контроллер подскажет...

Лиза усмехнулась и перевернулась на спину.

– Контроллер! – иронически произнесла она. – Эх ты, спец... Много он тебе поможет в более или менее обширном мире? Это тебе не уголовников да лаборантов обшаривать...

– А что, ты найдешь бокс без контроллера? – прищурился Никита.

– Конечно, – отозвалась Лиза. – Контроллер – это то, что тебе дает Челнок, чтобы компенсировать твои собственные недостатки. Как протез. А я чувствую то, что мне здесь нужно найти...

Никита почувствовал, как его щеки начинают гореть. Он был словно самонадеянный мальчишка, которого ловко щелкнули по носу. И кто? Невзрачная девчонка из восьмого «В»!

– Ты хочешь сказать, что настолько крутой ныряльщик? – заговорил Никита, пытаясь скрыть пробивающуюся в голосе обиду. – Что тебе море по колено? Что я так – второй сорт, не брак?..

Лиза рассмеялась, вскочила на колени и обняла за мощные волосатые плечи Никиту. Ему с телом тоже повезло, грех жаловаться.

– Вот потому-то я и взяла тебя с собой! – радостно сказала Лиза. – Чтоб скучно не было...

– Ты – меня?! – вспыхнул Никита и, сбросив Лизины руки, встал, уперев руки в бока. – Нормально... Нет, я все понимаю...

И пошел к морю, сопровождаемый заливистым смехом и бормоча ничего не значащие «нормально», «тоже мне», «офигеть»...

Они ехали вдоль моря довольно долго. Никите не составило труда разобраться с машиной, тем более что навыки носителя обычно передавались и ныряльщику.

Машина была удобная, если не сказать – роскошная, и не слишком отличалась от земных автомобилей. Но вот дорога была выше всяческих похвал. Во-первых, непонятный материал не был ни асфальтом, ни бетоном, ни чем-либо еще определяемым на глаз и на ощупь. Колеса цепко держали матовую поверхность, которая не давала о себе знать ни единым бугорком – словно Никита управлял машиной на экране игровой приставки. Особенно его поразили живая мерцающая разметка, бегущие по покрытию информационные надписи и необъяснимое свойство дороги удерживать машину в пределах нужной ей траектории.

Все-таки это был весьма продуманный мир. Очевидно, его хозяин действительно всей душой был устремлен в будущее...

Лиза, казалось, наслаждалась всем, что послало ей это задание, – и своей внешностью, и машиной, и смешным напарником, и проплывающим за окном морем. Она вытянула свои роскошные ноги, уперев их в лобовое стекло, чем здорово отвлекла внимание Никиты: если бы не умная дорога и хитрая автомобильная электроника, они несколько раз могли бы вылететь за пределы трассы.

Путь их лежал на звездную станцию, как здесь именовался космодром. На вопрос, где надо искать бокс с сокровенной информацией, Лиза просто ткнула пальцем в небо:

– Там!

И теперь Никита с трепетом ожидал первого в своей жизни космического полета. Ведь полет этот был совершенно реальным – как и все в этом мире. Может быть, в несколько земных секунд удалось бы уместить целую жизнь в этом мире. И глядя на Лизу, Никита мельком подумал, что, пожалуй, и не отказался бы от подобного варианта...

Но дома на ужин ждала мама. И маленький смешной братишка...

...Станция представляла собой гибрид автовокзала и аэродрома. Небольшое одноэтажное здание с кассой, залом ожидания и баром – с одной стороны, и обширная бетонная площадка – с другой. На площадке, уткнувшись носами в бетонный пандус, стояли на обыкновенных самолетных шасси рейсовые звездолеты, отдаленно напоминающие ярко раскрашенные туристические автобусы. Видимо, межзвездные перелеты были здесь уж больно обыденным

делом: откинув слой обшивки, во внутренностях рейсовика безо всяких комплексов ковырялся какой-то работяга в грязном комбинезоне, помогая в своей тонкой работе тихими матюками и нешуточными ударами кувалды.

Никита полюбовался этим зрелищем и принялся нервно насвистывать какую-то песенку. За что и был одернут Лизой:

– Чего свистишь, муженек? Кэша не будет...

Кэшем здесь именовались как наличные, так и электронные деньги. Особенно Никитино воображение поразило то, что электронные деньги можно было хранить на любых носителях информации типа кристаллов и дискет, в мобильных телефонах, передавать из устройства в устройство по радио, а также попросту временно вытатуировать на ладони. Очень удобно это было придумано.

– Ну, я за билетами, – сказал Никита и направился в кассу.

– Я тебя в баре подожду, – кивнула Лиза.

Касса здесь была вполне земная, с полукруглым окошечком и добродушной пожилой женщиной за ним.

– Здравствуйте, – вежливо обратился к ней Никита. – Мне два взрослых до второй Фомальгаута...

– О, наши рейсовые туда не идут, – покачала головой кассирша. – Очень далеко. Вам надо на Беркут. Это три локальных скачка. Оттуда – пять мегаскачков большим лайнером...

– Ага. Понятно, – сказал Никита, хотя толком ничего не понял и решил уточнить: – А как...

Но удивленно осекся: у кассирши принялась нервно подергиваться щека. Никита хотел было предложить сходить за доктором, но подошел уже знакомый работяга и неожиданно с размаху заехал большим разводным ключом прямо в висок кассирше.

Никита вскрикнул и отскочил. Кассирша перестала дергаться и улыбнулась.

– Простите, – сказала она.

– Древний девайс, – сипло сказал работяга, обдав пространство перегаром, – менять пора, да у мэрии кэша нет...

Никита в ответ лишь нервно кивнул. Забрав свои билеты до Беркута и с опаской косясь на кассиршу, он отступил в сторону бара...

Они сидели, задумчиво попивая местный коктейль «Злой Санта» и наблюдая, как грузятся в их рейсовик туристы. Туристы были самые что ни на есть земные: небритые и лохматые, с огромными бесформенными рюкзаками, с закопченными котелками и обшарпанными гитарами. Пока одни втискивались в не слишком широкий люк, другие, привалившись к шасси, распевали под гитару какую-то дико грустную песню. Странно было, что, несмотря на толстое стекло, песня эта в баре была прекрасно слышна. Никита не очень хорошо знал авторскую песню, но было что-то похожее на Визбора.

– Не нравится мне все это, – пробурчал Никита. – Уж слишком спокойно. Это добром не кончится.

– Наслаждайся жизнью, – улыбнулась Лиза, потягивая коктейль через соломинку. – Сидел бы сейчас дома, уроки учил...

– Ты бы уж помолчала, – хмыкнул Никита. – Это ж надо – столько шифроваться, выдавать себя за простушку. А я-то думал, что в нашей школе только тебе и можно верить...

– Вот, – задумчиво произнесла Лиза. – Так и происходит взросление. Через обиды и разочарования...

Никита от возмущения чуть не подавился. Он хотел было ответить этой нахалке какой-нибудь ядовитой фразой, но его внимание привлекла группа военных, что незаметно вошла и тихо расположилась в углу бара.

Выглядели они весьма внушительно. Начать с того, что ростом каждый из них был не менее двух метров. Телосложение было уж чересчур мощное, правильное и подозрительно одинаковое. «Клоны, что ли?» – подумалось Никите. К большим серым рюкзакам были приторочены удивительной формы шлемы. Одинаковые длинные тубусы намекали на их небезопасное содержание.

Один из военных цепко поймал взгляд Никиты и, не меняясь в лице, подмигнул ему, отчего Никите стало немного не по себе.

– М-да, – пробормотал он. – Что-то мне подсказывает, что не все так уж спокойно в этом мире.

– Это точно, – легко согласилась Лиза. – Спокойствием здесь и не пахнет, можешь мне поверить...

Никита с подозрением посмотрел на «супругу», но промолчал.

Что-то невнятно пробубнил громкоговоритель, и военные, быстро поднявшись, направились к выходу. Их место заняла семья, состоявшая из весьма полных супругов в яркой курортной одежде и троицы невероятно шумных детей. Их крики и визг смог заглушить только вой уходящего в небо рейсовика.

Наконец объявили окончание посадки на Беркут. Никита и Лиза, спохватившись, бросились на перрон. Благо, вещей у них было мало: один большой чемодан, содержания которого Никита до сих пор не знал. Он взял его по инерции из багажника автомобиля. Сработала прищелка – невозможно ведь лететь куда-то с пустыми руками!

Внутри рейсовика все было обставлено более чем по-спартански. Кресла, поставленные в шесть рядов, оказались достаточно удобными, но никаких иллюминаторов, индивидуальной вентиляции, видео и прочей роскоши. Единственный проход был завален туристскими рюкзаками и гитарами. Судя по запаху, кто-то из туристов решил одновременно выпить водки и снять изрядно поношенные кеды. Ненавязчивым фоном играла тихая, но какая-то странная, непривычная музыка.

Никита пропустил Лизу на среднее кресло, рядом с высоким и тощим, похожим на баскетболиста, пассажиром, а сам сел возле прохода. И принялся изучать схемы с изображением спасательных средств. Средства эти делились на привычные, вроде люков запасных выходов, и экзотические, вроде надувных скафандров. Никиту так и подмывало посмотреть, что же это такое, но ни под сиденьем, ни на полке над головой скафандра он не нашел. И только потом прочел в схеме фразу о том, что скафандр чудесным образом надевается автоматически при разгерметизации...

В невидимых динамиках прозвучал нежный женский голос:

– Рейс 127-11 до Беркута, с остановкой на Зет, Гамме Бицепса и Молькино, отправляется. Общая продолжительность полета – пять часов. Туалет в хвосте, на носу не работает. Просьба пристегнуться...

– Слушай, Лиза, а где там наши данные на хозяина? – поинтересовался Никита. – Хочется понять все же, что он за птица...

«Хозяином» именовали того, в чей мир отправляли ныряльщиков. Связь его земной сущности и устройства внутренней Вселенной прослеживалась слабо, но все-таки имела место. Спецы из Конторы так и не установили пока более или менее четких закономерностей. Возможно, что недоставало статистических данных.

В этом нырке данные на хозяина были у Лизы. Вот ведь засада – и память у нее тоже оказалась куда лучше! Сразу после адаптации она перенесла данные на бумагу – аккуратным девчачьим почерком.

Теперь Никита знакомился с человеком, которого никогда не видел и скорее всего никогда не увидит – настолько тот был секретным и важным для обороны страны.

Вот ведь смешное дело: показать его фото – означало повредить безопасности, а залезть, что называется, в самую душу – это пожалуйста, это совсем другое дело...

Итак, Николай Громин. Физик-теоретик. Гм... 47 лет. Не женат. Родился, учился... Лечился. Ага. Дважды проходил курс лечения в психиатрической клинике такой-то... Мания преследования. Ну, это неудивительно – с такой-то засекреченностью... Что еще? Да, вообще толком ничего. Можно было этого и не читать – он знал бы не меньше. Только... Только вот во внутренних мирах психов ему до сих пор не доводилось побывать...

– Лиза, – тихо сказал Никита, – а то, что он сумасшедший – это нормально?

– Кто сумасшедший? – не отрываясь от журнала, пробормотала Лиза.

– Кто-кто – пилот нашего рейсовика, ты что, не знала?! – буркнул Никита. – Хозяин, кто ж еще!

– Не сумасшедший, а немного не в себе, – ответила Лиза и подняла взгляд на Никиту. – Мой тебе совет – постарайся не думать об этом. Я вот не думаю. Может, и обойдется...

И продолжила чтение.

– Спасибо, дорогая, успокоила, – поблагодарил Никита и продолжил изучение спасательных инструкций.

Рейсовик заметно трянуло и ускорением слегка вдавило в спинки сидений. После чего все ощущения полета прекратились. Оставалось только ждать, когда объявят прибытие. Лиза достала откуда-то местный женский журнал и углубилась в чтение. Никита мельком взглянул на картинку, и у него от изумления отвалилась челюсть. Чтобы не нервничать, он переключился на изучение пассажиров. Но пассажиры оказались настолько скучными и сонными, что он сам не заметил, как заснул...

...Этот сон снился ему много раз. Как будто Челнок бросает его в удивительную Вселенную – самый прекрасный из всех существующих в сознании людей миров.

Это действительно чудесное место – здесь чувствуешь себя легко, словно в невесомости, мысли становятся ясными, душу наполняет радость. Все люди здесь сияют счастливыми улыбками, отовсюду струится радостный детский смех и прекрасные девушки с восхищением смотрят на пришельца.

Города здесь похожи на хрустальные дворцы, всюду густая, пышущая жизнью зелень. Здесь у него есть настоящие друзья и здесь ждет его любовь... Никите не раз казалось, что здесь он обретает понимание сути вещей, смысла всего происходящего в его судьбе.

Но Никита должен выполнить задание. Он направляется в самое высокое и самое прекрасное здание на берегу голубого озера. Он поднимается на стремительном прозрачном лифте и оказывается на просторной, наполненной пьянящим воздухом веранде на огромной высоте. Где-то здесь хранится заветный бокс – самый главный в его жизни.

И происходит что-то странное: ему не приходится сражаться с сейферами, бороться с собственным страхом и уходить от погони.

Седовласый человек с умными и печальными глазами с легкой улыбкой протягивает ему на ладони прозрачный, а оттого едва видимый куб.

Это и есть тот самый бокс.

Никита собирается взять его, но вдруг беспричинный страх охватывает все его существо. Человек с пониманием и сочувствием смотрит на Никиту, будто разделяя его переживания.

И впервые Никита не знает, стоит ли ему брать этот проклятый бокс...

Никита открыл глаза от прикосновения: сон в чужом мире очень чуток. Это один из давешних туристов, перешагивая через завалы в проходе, крался по направлению к носу рейсовика.

– Туалет впереди не работает, – зачем-то ляпнул Никита.

Турист вздрогнул, но не обернулся, а лишь прибавил хода.

Никита пожал плечами и только решил продолжить сон, как зашевелились остальные туристы. Одни встали и вышли в проход, другие принялись копаться в своих вещах. Никита немедленно заподозрил неладное.

Но разобраться в собственных мыслях не успел: перед его носом замаячил непривычного вида дырчатый ствол. Над ним склонился бородатый «турист» в желтых очках и вязаной шапке с помпоном и жестко прошептал в ухо:

– Дернешься – убью!

Через мгновение раздался усиленный громкоговорителем голос:

– Внимание! Рейс захвачен! Попытки сопротивления и паники будут пресекаться смертью!

Лиза вскрикнула. В ту же секунду салон наполнился мерцающим светом и мяукающими звуками сирены. «Туристы» немедленно нахлобучили на лица резиновые маски вроде противогазов.

– Что это? – сдавленно спросила Лиза, вцепившись в Никитину руку.

Где-то завизжала женщина. Послышался шум какой-то возни, что прервался хлесткими приглушенными выстрелами.

– Это... – сказал было Никита, почувствовав странный запах.

И отключился.

...Когда он пришел в себя, все вроде бы оставалось, как в момент старта. Никита даже подумал, что здешние воздушные, а точнее, «пустотные», террористы – просто дурной сон. Он поднял было руку, чтобы вытереть со лба испарину, и убедился, что руки его скованы пластиковыми наручниками с подозрительно помигивающими лампочками. Никита скосил глаза на Лизу. Та продолжала спать, и руки ее так же были скованы. Как и у все остальных пассажиров, находящихся в зоне видимости.

Надо было что-то предпринять.

– Лиза! – прошептал на ухо «супруге» Никита. – Лиза, проснись! Беда!

– Разговоры! – пискнуло снизу, и Никита не сразу сообразил, что вещают его же наручники. Через пару секунд его ощутимо огрели по затылку.

– Прекратить разговоры! – грубо сказал «турист» с короткоствольным автоматом на шее. – Слушать только меня!

Его красное морщинистое лицо было, очевидно, обожжено, и не будь этого зловещего автомата, Никита легко поверил бы, что тот обварился на лесной подгитарной посиделке, пролив на себя походный котелок с кипящей кашей. Он открыл рот, и из скрытых где-то громкоговорителей полилась его весьма неприятная речь:

– Значит, так, леди и джентльмены, не буду вдаваться в подробности, вы и так все поняли. Сейчас мы дружно и организованно перейдем на борт другого судна. Чтобы все прошло быстро и гладко, вначале отправятся пассажиры передних рядов. Надеюсь, мне не придется повторять и пускать в ход оружие...

Люди медленно, словно сомнамбулы, полезли в проход. Очевидно, на большую часть пассажиров газ подействовал сильнее, чем на ныряльщиков.

Никита уже успел обменяться взглядами с Лизой. Они поняли друг друга: выныривать пока не имело смысла. Во-первых, это давало фору Копателю, который мог добраться до бокса гораздо раньше, а во-вторых, практика показывала, что таким «переныриванием» ныряльщик только усугублял свои проблемы. Вселенная хозяйина словно накапливала иммунитет против незваного гостя, с каждой новой попыткой обрушивая на того все больше и больше испытаний.

К тому же в крайнем случае ничто не мешало раскрыться. Контроллеры не указывали на близость сейверов в необъятном космосе. Этот мир был слишком велик...

Они дошли до люка, через который на станции заходили в салон.

И у Никиты вдруг закружилась голова, к горлу подступил ком, ноги предательски подкосились.

Он смотрел в бездну открытого космоса. Мерцали невероятно яркие, слепящие звезды, и, казалось, чувствовалось, как воздух утекает в пространство...

Никиту грубо вытолкнули наружу. Он уже представил себе, как, кувыркаясь, задыхаясь и отплеываясь разорванными легкими, полетит в безвоздушном пространстве. Однако этого не произошло. Шатаясь и борясь с тошнотой, он стоял на небесной тверди. Он закрыл глаза и разученным приемом моментально вернул себе самообладание.

Теперь он примерно понимал, что с ним происходит. Далеко впереди на фоне звездного неба он заметил темное пятно, формой напоминающее перезревший кабачок. Это, видимо, и был корабль захватчиков. И пленные брели к нему через пучину космоса по какому-то удивительному, совершенно прозрачному туннелю – то ли из особого материала, то ли из каких-то силовых полей. Только сейчас Никита заметил бледные стрелки, что бежали вдаль, указывая дорогу. Сделав несколько шагов, Никита обернулся.

– Е-мое... – пробормотал он.

Их рейсовик теперь еще больше напоминал автобус, сломавшийся и съехавший на обочину трассы. Он был по-прежнему ярок и дико контрастировал с межзвездным пейзажем. Очевидно, его подсвечивали каким-то невидимым внешним источником света. Особенно нелепо выглядело помигивание оранжевых огней по краям: ни дать ни взять – обыкновенные земные «аварийки».

Но вот Лиза на фоне звезд смотрелась потрясающе! Ее не портили даже наручники. Наоборот, придавали какую-то пикантность, что ли...

Из совершенно неуместного озорства Никита попытался сойти с обозначенного стрелками пути. Его немедленно скрутило и буквально вывернуло наизнанку: он упал на колени. Его стошнило.

Наручники пискнули:

– Двигаться по направлению! Не останавливаться!

Лиза подхватила Никиту под мышки и помогла подняться. Они молча двинулись дальше. Увиденное настолько поражало воображение, что разговаривать ни о чем не хотелось.

Когда громада вражеского корабля стала заметно ближе, Никита увидел, что звезды начали двигаться. Это было странно, так как он не ощутил никакого движения. Впрочем, видимо, здесь прекрасно умели играть с гравитацией. Никита оглянулся назад, и его взору предстала невероятная картина: подсвеченная непонятным источником света длинная вереница людей, перпендикулярная чужому кораблю, отошла от рейсовика, будто кто-то принялся водить невидимой веточкой с ползущими по ней муравьями. Одиноким рейсовик недолго оставался без внимания: от громадной тени отделилась яркая черточка и широкой спиралью понеслась к брошенному кораблю. Тот сверкнул так, что померкли звезды. А может, просто сработали какие-нибудь светофильтры «перехода». Но через пару секунд звезды вернулись на место. А рейсовика уже не было.

Они приближались к борту самого настоящего «пиратского» корабля. Тот увеличился уже настолько, что его размеры не находили в голове аналогий.

Подумав об этом, Никита невесело усмехнулся и, ничего не опасаясь, повернулся к Лизе:

– А я-то думал: и когда же начнет проявляться мания преследования у нашего хозяина? Видишь, долго ждать не пришлось...

– Хочу тебя порадовать, – сказала Лиза. – Сдается мне, что это все только цветочки...

Наручники злобно запыхтели, но не нашлись что сказать.

...Неизвестно, чего следовало ожидать от внутренностей пиратского звездолета. Может, криков и хохота вокруг, скрипа такелажа, повешенных на реях и бочек с ромом по всем углам?

Одноногих злобных киборгов с лазерными пушками наперевес или еще чего похлеще, о чем воображение даже боится заикнуться? Во всяком случае, не такой подавляющей сознание пустоты и неэкономного использования пространства.

Они входили в колоссального размера ворота, створки которых терялись в темноте. Гулко стукнуло, и вспыхнул свет. Не столь яркий, сколь силен был звук от его включения. Может, он не казался достаточно ярким из-за невероятного объема помещения, куда они попали.

А попали они на самый настоящий стадион. Под ногами, правда, была не трава, а какое-то пружинящее покрытие. Но вот трибуны по сторонам не оставляли никакого сомнения. Это был именно стадион. У него была положенная пара футбольных ворот с обрывками сетки, беговые дорожки, разметка и даже огромные экраны над воротами. Правда, совершенно черные и мертвые. Свет же исходил от высоких ажурных прожекторных башен, установленных по углам над трибунами. Горела только часть прожекторов. Остальные выглядели то ли разбитыми, то ли расстрелянными...

– Господи, где это мы? – поразилась Лиза.

– Надо полагать, на пиратской олимпиаде, – пробормотал Никита. Дурацкая вышла шутка, конечно...

Пассажиры, столпившись ближе к центру, бессильно опускались на синтетическое покрытие. Выглядели все весьма испуганными. Женщины плакали. Одна из них, прижимая к себе ребенка лет пяти, попросту выла от ужаса. Несмотря на неприятность ситуации, такая реакция показалась Никите все же чрезмерной. Видимо, пассажиры знали куда больше них с Лизой.

Никита подошел к бывшему соседу по полету – тощему долговязому «баскетболисту».

– Скажите, а вы в курсе, вообще, что происходит? – поинтересовался Никита.

Тот недоуменно уставился на Никиту.

– Вы что, с луны свалились? – нетвердым голосом сказал он. – Это же бандиты, охотники за живым товаром!..

– Ну, это я понял, – нетерпеливо прервал его Никита. – А отчего такая паника? Нас из-за выкупа взяли? Для обмена? Или политические требования выдвигать будут?

«Баскетболист», несмотря на довольно невеселое настроение, усмехнулся.

– Ну, вы даете, – сказал он. – Какой еще выкуп? Как вы представляете передачу кэша уголовникам? Какой обмен? При чем здесь политика?..

– Ну, мало ли... – пожал плечами Никита. – Всякое может быть...

– Да, нет, – возразил долговязый, – вариантов тут нет. Рабство или... сублимация...

Последнее слово долговязый произнес дрогнувшим голосом.

– Что за сублимация? – спросил Никита.

Долговязый уставился перед собой в одну точку, нервно дергая кадыком. И произнес:

– Экстракт души...

– Что?!

– Они извлекают из пленных экстракт души... Ценнейший товар на черном рынке... Это хуже, чем смерть.

– Нормально... – только и нашелся, что сказать, Никита.

Эта Вселенная оказалась не так проста и благополучна, какой казалась на первый взгляд. Что и неудивительно при хозяине-параноике. Впрочем, не зря ведь говорят, что у всех талантливых людей мозги немного набекрень. Только от понимания этого как-то не становится легче. Может, плюнуть на все – и вынырнуть?..

Он вернулся к Лизе и поделился с ней этими довольно экзотическими новостями. Та как-то странно посмотрела на него.

– Может, пора сматывать удочки? – предложил Никита. – Пока у нас еще есть время...

– Только не говори, что ты струсил, – сказала Лиза и с усмешкой повела бровью.

– Конечно, нет, – обиделся Никита. – Я за тебя больше переживаю. Страшно представить, что эти бандиты могут сделать с симпатичной девушкой. Да, что там – вариантов-то немного...

Лиза усмехнулась:

– О, спасибо за заботу! И за комплименты, конечно! Только что ты скажешь, если я сообщу тебе одну интересную вещь...

Лиза картинно вздохнула и достала откуда-то зеркальце. И принялась смотреться в него, устраняя совершенно невидимые недостатки в макияже. Чем, конечно же, страшно разозлила Никиту.

– Э, мать, ты чо! – насупился он. – Что ты играешься со мной? Что за театральные паузы? Нашла время!

Лиза скосила взгляд на Никиту и с жалостью оглядела его с ног до головы. Ей все было понятно про этого недотепу. Он ничего не понимал в сложившейся ситуации. Что поделать – ребенок... Так по крайней мере воспринимал ее взгляд Никита.

– А что там твой контроллер? Молчит? Ну-ну... – Лиза снова спряталась за зеркальцем.

– Что – контроллер? – прищурился Никита.

Сердце забило чаще. Никита решительно отобрал у Лизы зеркальце и сделал страшные глаза:

«Ну?!»

«Да», – кивнула Лиза.

Никита, недолго думая, рванул на себе рубашку. Несмотря на неудобство наручников, ему удалось оторвать сначала один рукав, затем второй. Недоумение на лице Лизы сменилось пониманием: он неловкими движениями, но довольно туго, замотал объемную Smyчку между кольцами Лизиных наручников. Там просматривалось нечто, напоминающее окошко микрофона. Также поступили и с его собственными наручниками. Зачем нужны чужие уши?

– Ну?! – нетерпеливо прошипел Никита.

– Бокс здесь, – совершенно спокойно сказала Лиза. – Так что суета вообще неуместна.

– Но... Как это возможно?! Мы ведь летели почти наугад... Вероятность такой случайности...

– Господи... Какие случайности? Тебя хоть раз Челнок хоть куда-нибудь закидывал случайно? Так, чтобы ты не смог обнаружить нужный тебе бокс через достаточно короткое время?

– Н-нет... Но ведь здесь космос... Он огромен...

– А маршрут рейсовика вполне конкретен. Ладно. Не забивай голову всякой ерундой. Пора за дело...

– Будем раскрываться?

Лиза положила скованные руки Никите на плечо и вдруг поцеловала его в щеку. Довольно чувственно поцеловала – словно ее возбуждала вся эта зловещая атмосфера. Это было весьма неожиданно, и Никита на мгновение потерял дар речи, мысли его путались. Лиза прошептала ему на ухо:

– Подожди... Мне кажется, пока рано...

В их странный разговор ворвался немыслимый по силе писк и скрежет, будто перегрузка динамиков на рок-концерте. Все пленные пассажиры схватились за уши. Писк прекратился, раздалось характерное постукивание по микрофону. Следом заговорил сиплый и недобронасмешливый голос:

– Э-э-э... Господа пленные! Попрошу вас не покидать центра нашей спортивной арены. В противном случае буду вынужден вас отстреливать. Сейчас к вам выйдет сам кэп Хантер. Не берусь обещать, но, может, кому-то из вас повезет прожить немного дольше остальных, хе-хе... И не надо паники. Наслаждайтесь приятной атмосферой...

Из-под трибуны выскочила вереница самых обыкновенных открытых джипов, битком набитых людьми. Дымя бензиновым перегаром, они подкатили к жавшимся к центру перепуганным пассажирам злосчастливого рейсовика.

Никита ожидал увидеть всякое. И команду роботов, во главе со зловещим киборгом, и кучу фантастических головорезов, обвешанных лазерными пушками и сверкающей броней. Да мало ли чего ждать в этом мире безумия высоких технологий. Однако облик того, кого называли кэпом Хантером, поразил его.

Из переднего джипа легко, но с ленцой, полной достоинства и самодовольства, выскочил самый махровый, самый хрестоматийный, самый натуральный...

Пират.

На миг Никитин взгляд подернулся дымкой – и он увидел этого человека, стоящего на мокрой скрипучей палубе в окружении звенящего на ветру такелажа. Все, как полагается – в треуголке, перчатках, в кафтане по колено и огромных ботфортах. Со шпагой и двумя титаническими пистолетами за широченным кожаным поясом. Смуглый, остроглазый, с подобающей имиджу эспаньолкой...

Наваждение прошло. Но остался этот человек, за которого говорили его глаза – огромные, глубоко посаженные и черные. Одет он был довольно просто – в джинсах с широким поясом и белоснежной рубашке с закатанными по локоть рукавами – может, это и вызывало у Никиты полудетские «пиратские» ассоциации.

Впору было посмеяться над собой. Но кэп Хантер не вызывал ощущения комичности. Никита с ужасом почувствовал, что перед ним НАСТОЯЩИЙ звездный корсар, из тех, чье любимое развлечение – раздавать черные метки, пускать в прогулки по доске и вешать на реях. Пусть даже условно.

Это было дико, нелепо, глупо. Но образ кэпа почему-то не давал поводов к сомнениям.

Похоже, смутные ощущения Никиты без всякого удовольствия разделили и остальные пленники.

Свита кэпа была менее колоритна, но все же, несомненно, следовала какому-то общему настроению. Почему-то, несмотря на довольно внушительный вид, все бандиты выглядели какими-то зловещими оборванцами. Возможно, все дело было в выражениях лиц, которые вполне формировали образы изрядных мерзавцев. И надо признать, эти образы были более гармоничны, чем карикатурные кээспэшники, так играючи захватившие рейсовый звездолет.

– Нормально... – пробормотал Никита и обомлел, увидев, что зловещий кэп, скрепя ботинками на толстой подошве, вразвалочку направился прямо к нему.

И улыбнулся, отчего душа моментально ушла в пятки.

Однако кэп неожиданно прошел мимо, больно ударив Никиту по бедру торчащей в сторону большой и тяжелой кобурой, с торчащей в сторону изогнутой рукоятью. И Никита с изумлением увидел, как негодяй обнял за талию его условную «супругу» и страстно поцеловал в губы. Самым диким в этой сцене было то, что Лиза ответила наглецу горячими объятиями и жадно впиалась тому в губы.

Обалдевший Никита, не понимая, что происходит, сжал кулаки. Пора было раскрываться и прекращать это безумие.

Ему вдруг дико захотелось домой, к маме.

Однако раскрыться ему не удалось. В голове звонко лопнуло что-то стеклянное. Уже падая, Никита увидел в чьей-то крепкой волосатой руке истекающую красным «розочку» из горлышка бутылки, только что разбитой о его голову...

Глава третья

Стас устало поднимался по лестнице к себе на пятый этаж, волоча кипу огромных пакетов с продуктами. Работа в Конторе не позволяла особо разгуливать по магазинам, поэтому запастись следовало впрок. Благо, жил он один и ел мало. Если только такую жизнь можно было назвать благом. Жена ушла год назад, не выдержав его постоянного отсутствия и завесы тайны, окутавшей профессиональную деятельность мужа. И ведь Ларису можно понять: врать он толком не мог, да и не хотел, так что тут что угодно заподозришь. Вплоть до того, что спишь в одной постели с маньяком.

Стас никогда не думал, что однажды работа сможет так полно захватить его. Впрочем, он был уверен – то же можно было сказать и обо всех остальных сотрудниках управления. Ведь даже если сравнить их открытие с полетом в космос – значит, не сказать ничего.

Они открыли двери в миллиарды других Вселенных, и никакие полеты к звездам нельзя поставить рядом! Правда, постоянной занозой грыз душу вопрос происхождения того самого Челнока. Все-таки первоначальное открытие сделал кто-то другой. И так хотелось узнать, кто он, этот таинственный гений? Пусть даже он где-то на «другой» стороне, пусть даже на стороне врага. Какое значение это имеет для познания тайн природы? Рано или поздно это открытие все равно станет достоянием человечества.

Ведь когда-то должны наступить такие времена, когда знания и интеллект перестанут быть просто дорогим товаром...

Вяло размышляя таким образом, Стас извернулся, отодвинув мешающие пакеты, достал связку ключей, сунул ключ в скважину...

...И наткнулся на пустоту.

Он поднял глаза.

Дверь была приоткрыта, а из прихожей с приветливой улыбкой смотрел на него незнакомый человек с взлохмаченной шевелюрой над морщинистом лицом, в диком белом костюме.

– Прошу вас, заходите, – широким жестом пригласил Стаса незнакомец.

Все чудеса и приятные сюрпризы в жизни Стаса давно уже произошли. Поэтому прочие неожиданности Стас не без основания относил исключительно на счет неожиданных неприятностей и неприятных сюрпризов. Тем более сейчас, когда находился под постоянным колпаком спецслужб.

Поэтому Стас ничуть не удивился. У него просто испортилось настроение.

Стас сразу же подумал о пистолете, что удобно было бы выхватить из-за пояса правой рукой. Но в руке были пакеты, в пакетах бутылки, и бутылки могли разбиться.

Незнакомец улыбнулся и протянул ему какой-то предмет. Стас глянул и обомлел: незваный гость держал за ствол его собственный «макаров», что выдали ему под роспись, когда Контора только начинала свою странную деятельность.

Вот это номер! Пистолет, надо полагать, сам вылез из-за пояса и просочился сквозь рубашку?! В голове Стаса пронеслось лишь «как?!» и машинальное – «раскрылся?».

Раскрылся?!

Стас, разинув от изумления рот, уставился на человека в белом.

Лучше бы его пристрелили сразу! Лучше бы его похитили и пытали вражеские шпионы, лучше бы на нем ставили свои опыты хитроумные изобретатели Челнока! Только бы не сбился кошмар всех спецов, то, о чем в Конторе не принято говорить вслух...

– Да, – как-то сникнув, сказал человек. – Вы все поняли правильно. Я не из вашего мира...

Они сидели друг напротив друга – резидент этой Вселенной по имени Стас и гость из куда более обширного мира, в котором мирок Стаса был сравним с крохотной элементарной частичкой.

...Эту теорию в свое время выдвинул придурковатый Батхед, штатный психолог Конторы. Его, даже не дослушав толком, разом подняли на смех. Казалось, все просто настолько испугались описанных Батхедом перспектив, что постарались тут же заглушить свой страх шуточками и заявлениями о том, что подобная теория не выдерживает никакой критики.

Но Стас сразу же понял, что в словах психолога есть определенная логика и вполне конкретный смысл: если в сознаниях живущих здесь людей существуют целые, совершенно реальные, наполненные жизнью и разумом вселенные, то почему не предположить, что и наша реальность – всего лишь часть чьей-то души?

Об этом и вели неспешную беседу представители двух миров, попивая мартини из гра-
нених стаканов, потому что красивые бокалы Лариса в свое время унесла с собой. Незнакомец представился Алексом и оказался вполне приличным и приятным в общении человеком. Стас похвалил себя, что не полез, не разобравшись, в драку, тем более что чужой ныряльщик, раскрывшись, скорее всего легко справился бы с незадачливым противником.

– Ныряльщик? – задумчиво сказал Алекс. – Хм... Мы называем себя просто визитерами.

– Ну, ведь все зависит от цели визита, – возразил Стас. – К сожалению, мы начали познание других миров исключительно в прикладных целях...

– Да, я знаю, – грустно сказал Алекс. – И это весьма прискорбно. Потому что Кристалл был дан нам совершенно для иных целей...

– Кристалл? – нахмурился Стас. – Ах, кристалл... Мы называли его Челнок. И для каких же целей он был дан? Кому? И кем?

Алекс заерзал в кресле, с подозрением рассматривая содержимое своего стакана. Казалось, ему не очень нравится повисший на стенке ломтик лимона. Интересно, чье тело ему досталось вместе с этим идиотским белым костюмом? Остается надеяться, что он не сбежал напрямик с какой-нибудь свадьбы, и его не будут искать с собаками и милицией озверевшие родственники невесты...

– Хм... Если бы мы знали ответы на эти вопросы, – пробормотал Алекс, – то я бы не сидел здесь перед вами...

– Ах вот даже как... – протянул Стас. – Забавно.

Он побарабанил пальцами по своему стакану, не решаясь задать самый главный вопрос. Он снова ощутил приступ иррационального страха.

Алекс внимательно посмотрел на него и понимающе кивнул:

– Вы, наверное, хотите спросить меня, в чьем сознании живет мир, в котором мы с вами сейчас находимся?

Стас молча кивнул. В горле будто застрял тугий неприятный комок.

Алекс развел руками:

– А вот этого я вам сказать не могу. К сожалению.

– Но почему?

– И на этот вопрос я не могу вам ответить. Впрочем, никто не мешает вам строить собственные версии...

– Тогда зачем вы здесь? – спросил Стас. – И почему вы пришли именно ко мне?

Алекс встал и медленно, нелепо, словно цапля на болоте, прошелся по комнате. Остановился у высокой книжной полки, с интересом разглядывая ее. Снял одну из книг, принялся листать ее.

– Поразительные у вас, однако, книги, – сказал он.

– Что, на эти вопросы вы тоже не можете мне ответить?

Алекс нехотя оторвался от книги.

– Нет, почему же? – сказал он. – Я пришел к вам потому, что вы один из немногих в этом мире, с кем можно более или менее полно пообщаться на интересующие меня темы...

– И что же это за темы?

– Понимаете... Я ищу Изначальный Мир.

Алекс внимательно посмотрел на Стаса, будто давая тому время для осознания сказанного им. Стасу показалось, что он смутно уловил мысль собеседника.

– Изначальный Мир... – сказал Стас. – Если есть Мир Изначальный. Значит, есть и...

– Производные миры, – кивнул Алекс. – В которых мы все с вами и живем...

– И сколько же этих, производных?

– А вы представьте себе такую многомерную матрешку: в каждом мире несколько миллиардов жителей, в голове каждого тоже несколько миллиардов обитателей, у каждого из которых, в свою очередь...

– Стоп! Хватит! – Стасу показалось, что у него кружится голова. – Надо выпить. И не этого мартина, а коньяку. Любите коньяк?

– Хм... А в вашем мире коньяк сколько градусный? – невинно поинтересовался Алекс.

Никита не знал, как относиться к своему новому положению: краснеть ли от пережитого позора провала или радоваться, что так легко отделался. Все-таки его не увезли, как остальных пленников, в обшарпанных грузовиках с неизвестными целями куда-то в недра корабля.

Напротив, он очнулся в более или менее чистом помещении с кроватью и широким плоским экраном – очевидно, видео. И конечно, не удивился, убедившись, что помещение заперто.

Несмотря на головную боль – последствие удара бутылкой по темечку, – Никита быстро сообразил, что ситуация вышла за все предусмотренные программой рамки. Он не знал, и не хотел знать, какую игру вела Лиза. Даже при мыслях об этом его начинало колотить от злости.

Постойте, граждане! Неужели он ревнует? Кого – Лизу? К этому расфуфыренному клоуну?! И будет сидеть тут взаперти, пока они развлекаются на костях убитых пассажиров? Вот уж не дождетесь! Счастливо оставаться!..

У ныряльщика из любой ситуации есть один универсальный выход.

Вынырнуть.

Пусть спецы разбираются, что замыслил их «особо секретный агент». Черт с ними – со всеми обещанными благами и далекими мирами. Если даже в Конторе нельзя ни на кого положиться – он умывает руки...

Никита принял подобающую позу, улыбнулся. И принялся медитировать. Как и полагалось.

Пустой номер.

Он по-прежнему оставался в запертой каюте на чертовом бандитском корабле, где-то в чужой Вселенной, в ненадежной черепашке ненормального ученого. Вторая и третья попытка не удались так же.

И Никита понял, что его бросили здесь одного совершенно сознательно. Зная, что он никуда не денется из-под замка.

Это было необъяснимо. С такими ситуациями в Конторе еще не сталкивались. Случалось, что некоторые неудачники выныривали «не полностью», оставив рассудок или его часть в чужом мире. Или выныривали с дико искаженным сознанием.

Но возвращались всегда.

Однако же такое невозможно даже теоретически. Ныряльщик просто должен, обязан иметь возможность вынырнуть. Если, конечно, физически не погибнет здесь, в этом пространстве. Может, дело в его психическом состоянии? А может, здесь просто какая-то аномальная зона космоса? Или причина в том, что они отлетели слишком далеко от точки появления? Такое представляется вполне разумным. Ведь, насколько ему известно, никто из ныряльщиков

до него не покидал планеты, где находился носитель в момент нырка. Надо просто изыскать возможность вернуться назад, на... Упс... Как же называлась эта планета?..

Как ни странно, такой расклад подействовал на Никиту успокаивающе. Значит, выполнять задание все же придется. Несмотря на явный саботаж со стороны бывшей подружки. Что ж, рядовое предательство. Как учит Стас – оно должно только прибавлять силы и опыта.

Однако ни прилива сил, ни нового опыта Никита не ощутил. Он ощутил опустошенность и усталость. А потому решил пока плюнуть на все и включить «ящик», как для себя он окрестил совершенно плоскую, как лист черного ватмана, пластину экрана.

Ничего похожего на выключатель или пульт Никита не нашел. Однако едва он провел рукой перед черной, словно бездна космоса плоскостью, та озарилась изнутри мягким светом. Никита ощутил приятный запах, какой бывает в снежных горах. Из глубины экрана подул морозный ветер, от которого, впрочем, не стало холоднее. Создалось ощущение, словно на месте экрана открылось окно в другой мир. Послышалась тихая, удивительным образом знакомая музыка.

Никита плюхнулся на койку, изучая происходящее на экране. Это было странное, с поразительным эффектом присутствия, но все же кино. Посмотрев его некоторое время, Никита с изумлением понял, что это – старый-престарый фильм – «Земля Санникова», что он не раз видел на своем стареньком, с давно севшей трубкой телевизоре «Тошиба», с теми же актерами, той же музыкой... Это оказалось настолько странно, что смотреть долго Никита не смог и попытался переключить канал, маша руками перед экраном.

Фильм действительно исчез. Вместо него в глубине экрана показалась перекошенная небритая рожа под небрежно накрученной банданой. Это был один из бандитов, из окружения кэпа Хантера. Он вдруг резко вскочил, высунулся по пояс из глубины экрана и вполне осязаемо схватил Никиту за нос.

– У-у! – прорычал негодяй.

Никита заорал, замахал руками и отпрыгнул назад, упав на пол и опрокинув легкий металлический стул.

За невидимой границей экрана дружно заржали несколько глоток. Реакция Никиты, очевидно, весьма повеселила тех, кто наблюдал за ним с «той стороны». Никита в сердцах швырнул стулом в ухмыляющуюся рожу. Стул отскочил от незримой преграды, и изображение пропало.

Зато щелкнул замок, и в каюте появился какой-то плюгавенький человек, обвешанный при этом невероятным количеством оружия. Причем один из стволов показался Никите похожим на старинную абордажную митральезу, что размером была даже побольше ее обладателя. Несчастный, по-видимому, сгибался под весом своего арсенала, но старался не подавать виду, а, наоборот, напускал на лицо суровое выражение, отчего Никите стало даже немного его жаль. Видимо, правильно считается, что любовь к оружию – один из способов подавления в себе комплексов неуверенности и незащитности.

– А ну, пшли со мной, щ-щенок! – прорычал мужичонка неожиданно низким и свирепым голосом.

Никита мысленно усмехнулся: раскрыться, что ли? Если ему не удастся вынырнуть, задание все равно теряет всякий смысл, и скрытность становится просто неуместной. А свои возможности нырлящика надо все же использовать в собственных интересах...

– Давай, пошел быстрее! – Пират грубо пихнул Никиту в ребра большим вроде бы кремниевым пистолетом, чем окончательно разозлил бывалого нырлящика.

И Никита слегка приоткрылся. В голове в один миг мелькнули перспективы разоружения этого плюгавого мужичонки и последующего молниеносного захвата корабля.

Для начала нужно ускориться, выхватить этот дурацкий пистолет и повалить дурака на пол. Вот так... Потом...

– А ну, не балуй! – раздался все тот же голос, но уже откуда-то сверху. К своему удивлению Никита понял, что на полу, в самой неудобной позе, лежит не его потенциальный конвоир, а он сам.

Пират склонился над ним, поводит перед носом грязным татуированным пальцем и наставительно сказал:

– Эти штуки у нас не проходят. Так больше не делай. Выкинем за борт. И повесим. Или наоборот. Как Доктор решит.

– Доктор? – пробормотал Никита, вставая и послушно направляясь к двери. – Так у вас какой-то Доктор главный? А я думал кэп...

– Доктор лечит, – охотно разъяснял конвоир. – Только с пациентами ему не везет. Не выживает никто.

– Хороший доктор, – согласился Никита.

Они шли по коридору необычного треугольного сечения, железные, подернутые ржавчиной стены которого смыкались над головой под острым углом.

Дизайн корабля вообще был весьма странен. Начать хотя бы с этого стадиона. Зачем он на корабле? Непонятно... А к чему в космосе эти клепаные железные листы? Эти треугольные люки с винтовыми запирающими в наклонных стенах? Торчащие из стен манометры на латунных трубках? Это было бы куда более уместно на подводной лодке начала двадцатого века или в наивной фантастике пятидесятих годов. Того же века, разумеется. Скорее всего такой дизайн носил больше декоративные функции. Но зачем?

Впрочем, дизайн – штука спорная. Гораздо интереснее, что здесь делают эти вооруженные оборванцы и откуда вообще Лиза знает этого Хантера?

Никита вдруг вспомнил про упоминание о некоем «сублиматоре душ» и замедлил шаг. Неужели его ведут на расправу?

– А ну, двигай! – подтолкнули его сзади.

И Никита покорно побрел дальше – туда, где ослепительно сверкал треугольник выхода.

Странно, но Никита не ощущал страха. Может, потому, что ему трудно было поверить всерьез в свою смерть в этом чужом сознании. Как можно погибнуть в глубинах чужой души? Практика говорила, что запросто... А может, он просто устал от накрученной экзотичности этого мира. Все-таки его окружали не банальные городские джунгли, где он ориентировался вполне свободно, а была за тонкими стенками этого гигантского ржавого корыта самая натуральная космическая бездна...

Наконец они подошли к самой кромке длинного треугольного тоннеля. Ощутимо потянуло сквозняком. Послышался гул, который бывает в любом достаточно большом помещении вроде бассейна или ангара.

Только то, что увидел Никита, ослепленный невероятно ярким, почти солнечным светом, не было ни тем, ни другим.

Сначала ему показалось, что он снова попал на стадион. Но гораздо больших размеров. Однако, привыкнув к яркому свету, Никита понял, что это что-то другое. Наконец, обозрев окрестности, он был вынужден признать, что место это более, чем неожиданное.

Это был гигантский парк развлечений. Вот путаный серпантин «американских горок», колесо обозрения, нагромождения разнообразных сказочных декораций и всевозможных аттракционов. Все утопало в буйной зелени и... не работало. Людей на многочисленных дорожках видно не было. Пустовали столики в открытых кафе, многие столы были опрокинуты и разбиты.

А прямо под ногами был большой каплевидный бассейн с амфитеатром трибун у борта. Что-то похожее на дельфинарий. Только вода в бассейне отнюдь не выглядела столь чистой и прозрачной, как это показывают в рекламных сюжетах.

И особенно странным диссонансом выглядел большой полуразвалившийся старинный фрегат, зачем-то брошенный дизайнерами этого парка на трибуны дельфинария и заваливший при этом часть расположенных поблизости водных аттракционов. Легкий ветерок шевелил полуистлевшие паруса, такелаж порванной паутиной безвольно свешивался вдоль накренившихся мачт...

– Что, «Катрин» нравится? – каким-то дрогнувшим голосом спросил его конвоир.

И Никита понял, что этот корабль – единственное, что не было в этом странном Диснейленде аттракционом...

– ...Понимаете, Стас, – сказал Алекс, – далеко-далеко, на много уровней вверх, где находится мой собственный мир, живет один хм... медиум. Которому, скажем так, было видение... Во сне, надо полагать. Видение о том, что среди всего этого необъятного количества миров есть одна тоненькая ниточка, которая ведет вниз, к Изначальному Миру. Или, напротив, вверх...

– Вот такая вот телепатическая телеграмма, – пробормотал Стас, закуривая. – Через тернии – к звездам... А почему бы и нет?

– Конечно, – спокойно сказал Алекс, – если кому-то удалось через бездны квадриллионов пространств закинуть в каждый из них по несколько Кристаллов, то почему бы и не отправить пару обыкновенных телепатических сообщений...

– А меня интересует вот какой вопрос, – сказал Стас. – Если в сознании каждого человека существует Вселенная, что происходит с ней, когда тот умирает? Тут неувязки какие-то со временем жизни Вселенной и отдельного человека...

– Локальное время во внутренней Вселенной – это миллиарды лет. Визитер находится в ней ничтожные мгновения, которые могут показаться тому годами... Впрочем, даже наши философы не разобрались с этими временными причудами. Почему, например, можно несколько раз войти в мир одного и того же человека – и попасть в одно и то же, по сути, время? Когда, по логике вещей, в этом мире должны минуть уже миллионы лет? Это совершенно необъяснимо с точки зрения наших знаний. А они, поверьте, куда выше ваших...

– Я верю, верю, – успокоил Алекса Стас. – А как вы, Алекс, движетесь «вниз»? Неужели можно нырнуть дальше одного уровня?

– На сколько угодно уровней, – кивнул Алекс. – Именно поэтому вы мне здесь и нужны. Мне, можно сказать, повезло, что один из Кристаллов находится в руках более или менее профессионалов...

– Вот, спасибо! – усмехнулся Стас.

– Не за что, – серьезно ответил Алекс. – Бывает, что Кристалл нужно попросту вырывать силой...

– И что, вырывали?

– Приходилось. Еще одна проблема – найти носителя следующего мира...

– Хозяина...

– Я так и не понял, кого вы называете «хозяином»? Носителя мира или тело, в которое попадает ваш визитер... ээ... ныряльщик?

– Ну, тут у нас некоторая терминологическая путаница. Но обычно хозяином называют того, в чей мир производится нырок, а носителем – резидента этого мира, чьим телом пользуется ныряльщик...

– Хм. Ну, ладно. Так вот, носитель, то есть его тело, в гостевом мире обычно вертится неподалеку от Кристалла. Это, можно сказать, такой специфический закон природы... Или задумка создателей Кристаллов. Поэтому на поиски Кристалла обычно не уходит много времени. А у вас он вообще в руках специалистов... Надеюсь, вы мне поможете? Или мне все же попробовать самому?..

Стас замялся. Как объяснить этому скитальцу по чужим нейронам, что он, Стас, занимается оборонным проектом? После всего, что он услышал от Алекса, это могло показаться смешным занудством, глупым нецелевым использованием Кристалла, баловством детей с «черным ящиком» разбившегося самолета...

А может, его, Стаса, сотрудника секретного учреждения, просто «разводят» хитроумные иностранные спецслужбы? Вот так, внаглую, выведывая, где находится эта уж чересчур секретная Контора...

М-да, в этом случае шпионы перехитрили бы сами себя. Ведь узнав о том, что Стас работает в управлении, гораздо проще проследить за ним... Да и вообще, куда проще узнать про Контору, чем о том, что Стас работает именно там, а не где-нибудь еще. И эти фокусы с «открытием» чужого ныряльщика...

Да, если Стас хотел бы провалить шпионскую операцию, он послал бы на задание именно Алекса. Слишком уж пародийный шпион получается. Агент 007 в белом смокинге при бабочке...

– А кем вы являетесь в собственном мире? – поинтересовался Стас, чтобы уйти от скользкой темы. – Вы сотрудник какой-то специальной организации, что занимается «визитами» или контролирует их?

– Нет, – улыбнулся Алекс. – Я актер.

– Кто?!

– Актер. Довольно известный. Но и не звезда, честно говоря.

– Странно... И как же это вам, актеру, доверили такое серьезное задание? Я уверен, что это неспроста...

– А с чего вы взяли, что мне кто-то что-либо доверял или поручал?

– То есть вы сами?... А... Вы нашли Кристалл и решили воспользоваться им сами?

– Все нет. Мне его отдал музей. В пользование. Видите ли, у нас, в отличие от вашего мира, в подобные путешествия по сознаниям мало кто верит. Официальная наука их не признает. И у вас не признавала бы, если б не было практической необходимости в промышленном шпионаже и краже чужой интеллектуальной собственности – прямо из головы носителя...

– Но... Как это «наука не признает»? Ведь вы же сами по себе – живое доказательство!

– А кто поверит девятилетнему ребенку?

Стас поперхнулся коньяком.

Он же совсем забыл про эти фокусы с возрастными ограничениями и переселениями душ и тел. Однако и Алекс совсем не производил впечатление инфантильного человека. И Стас заставил себя недоверчиво улыбнуться. Вышло не очень хорошо.

– Позвольте не поверить в то, что вы... ребенок, – сказал он. – К тому же вы уже говорили, что актер...

– Юношеского театра. И кино, разумеется. Мне говорили неоднократно, что я вундеркинд, выдающийся актер и все такое. Да я и не спорю. Ну как, получается у меня играть взрослого, дядя?

Стасу показалось, что он сходит с ума: на несколько секунд Алекс действительно показался ему ребенком – так изменился его взгляд и манера говорить...

– Видите ли, – сказал Алекс, – я так давно нахожусь в шкуре взрослого, что уже с трудом даже представляю себе возвращение в детское тело...

– Скажи, тогда... Э... мальчик... – Стас снова поперхнулся. Слишком уж противостественным казалось ему происходящее.

– Давайте так: называйте меня по имени, и будем считать, что я взрослый. Тем более что в какой-то мере это так и есть...

В подтверждение своих слов Алекс отпил изрядно коньяку и выжидательно посмотрел на Стаса. Тот кивнул: мол, будем считать это игрой и примем прежние правила. В конце концов он вовсе не обязан верить своему нежданно-негаданному визитеру...

– Ну, тогда скажите, Алекс, зачем вам, частному лицу, нужен этот самый Изначальный Мир?

– Этого я тоже сказать не могу, – немного печально сказал Алекс. – Но думаю, что он нужен не только мне. И больше, чем нужен мне он, нужен ему я...

– Ну, что я могу сказать, – протянул Стас. – У меня слишком мало информации, чтобы допустить вас, что называется, в святая святых... Боюсь, что не смогу вам помочь, Алекс...

– Боюсь, что вы меня не вполне поняли, Стас, – вздохнул Алекс. – Пройти на следующую ступень вниз я смогу и без вас. Вы же знаете возможности визитера или ныряльщика. Мне нужна совсем другая помощь...

– Вот как? – вскинул брови Стас. – Чем же еще я могу помочь пришельцу из другого мира?

– Я уже говорил, что совершенно неслучайно нашел вас. Потому что только вы можете понять сложность возникшей ситуации. Вернее, не только вы, но, возможно, и другие ваши специалисты. Просто вас я нашел раньше. Видите ли, ваш мир – он особенный...

– Вы знаете, – доверительно произнес Стас, – мне всегда так казалось. А может, мы и есть этот самый Изначальный Мир, а?

– Зря иронизируете, Стас. Вы, конечно, далеко не Изначальный Мир. Но от этого не менее важный. Вы находитесь как раз посередине между Изначальным Миром и его противоположностью – Миром Финальным...

– Финальный Мир... Звучит не очень приятно...

– Да. Пожалуй.

– И как же это выражается – то, что мы находимся именно посередине всего этого мозгового безумия?

– Очень просто. Из мира, лежащего на один уровень выше вашего, путь «вниз» ведет только через сознание одного-единственного человека, того, через которого ведет эта самая «ниточка». Прочие пути заканчиваются тупикам...

– Вот как... И поэтому вы не называете мне его имени?

– Да. Я и так наполовину уже проговорился. Понимаете, вся эта гирлянда миров напоминает чем-то песочные часы, где тысячи песчинок просыпаются в маленькое отверстие шириной всего в одну-единственную песчинку. Достаточно небольшого усилия, чтобы переломить это хрупкое устройство пополам... Знаете, мне очень нравится эта аналогия с песочными часами. Наш медиум тоже считает ее очень удачной...

– Слушая вас, трудно поверить, что вы и вправду ребенок...

– А вам и не надо в это верить. Для вас имеет значение только одно знание. Вы – это Срединный Мир. И так как я спускаюсь вниз – один-одинешенек, совершенно безобидный для вас и вашей Конторы, так оттуда, снизу, поднимаются сюда многие и многие. И этих многих безобидными назвать уже язык не поворачивается...

– Поднимаются?! Каким образом? Зачем?

– Затем, чтобы владеть Срединным Миром, воротами между началом и концом...

Когда Никита взглянул на судно снизу, то всякие сомнения отпали. Это был настоящий боевой корабль, не один год бороздивший соленые воды каких-нибудь Средиземных или Карибских морей. Его потемневший корпус был изъеден жучком, полипами и, наверное, какими-нибудь отвратительными морскими червями, облеплен высохшими водорослями. Местами виднелись следы починки после пробоев от камней и пушечных ядер. Если это была

мистификация или просто макет, то весьма мастерская, отчего непонятными становились цели такого рода художеств.

И вновь в его сознании всплыл странный образ кэпа Хантера – в старинном наряде, под мачтами пиратского парусника. Черт возьми, но ведь эти его мысли – они неспроста! Так же, как неспроста это старое деревянное корыто на трибунах дельфинария...

Впрочем, поразмыслить над этими вещами Никита не успел. Его подтолкнули к длинному трапу, похожему на накренившийся висячий мост. Пока он шел по этому шаткому мостку, в голову лезло множество ненужных мыслей, включая прогулки за борт по доске, протаскивание под килем, привязывание к пушкам, разрывание ядрами и прочие глупости. Разум говорил, что все это здесь ни при чем. Но глаза утверждали обратное.

Вот под ногами заскрипела палуба, щеки коснулся какой-то растрепанный канат. Но насладиться аттракционом Никита не успел. Он оказался перед живописной надстройкой на баке. Заскрипела тяжелая дверь и его втокнули в достаточно обширное и темное помещение.

Здесь царил легкий запах незнакомых пряностей, прелых тряпок и спиртного. Освещено помещение было несколькими свечами на большом канделябре и тусклым светом, пробивающимся через занавешенные окна.

Все остальное было вполне ожидаемым.

За массивным столом сидел сам кэп Хантер. На этот раз – в переливающимся атласном халате поверх одежды. Рядом, что не стало для Никиты сюрпризом, была Лиза собственной персоной. Одета она тоже была иначе – теперь на ней было просторное платье с тонким и сложным узором. Надо полагать, весьма модное в веке эдак восемнадцатом.

– Это он? – мельком взглянув на Никиту, спросил кэп у Лизы.

– Да. То, что и заказывали, – ответила Лиза. – Конечно, я не могу показать вам оригинал. Сами понимаете, он там...

– Что ж, я тебе доверяю, ты меня никогда не подводила...

– Как я бы посмела, мой повелитель...

Лиза весьма правдоподобно, хотя и с легкой улыбкой, изобразила покорность, чем, наверное, порадовала бандита, что приобнял ее, подтянул поближе, опереточно раздул ноздри и пробормотал, зарывшись носом в ее волосы:

– Моя колдунья...

– Я вам не мешаю? – невинным голосом произнес Никита.

Если бы он только мог ускориться! Бородка у кого-то стала бы гораздо реже, а голос – намного тоньше! Но почему-то способностей ныряльщика теперь он лишен. А потому придется вырабатывать в себе дипломатичность, выдержку и хитрость.

Кэп встал и, скрипя все теми же ботинками, подошел к Никите. Осмотрел его.

«Словно лошадь на продажу», – подумалось Никите.

Он посмотрел на Лизу, пытаясь поймать ее взгляд. Но та будто нарочно принялась любоваться своими ногтями.

«Сучка!» – подумал Никита.

– Знаешь, зачем ты здесь? – поинтересовался кэп Хантер.

– Конечно, – ответил Никита. – Вы хотите высосать мой мозг.

Лиза вздрогнула и с удивлением взглянула на Никиту. Удивление – не совсем то чувство, которое тот хотел бы видеть в этих глазах. Но ни стыда, ни раскаяния, ни сочувствия там не было. Поэтому оставалось довольствоваться удивлением.

– Хорошая мысль, – кивнул кэп. – Как-нибудь напомни мне об этом. А пока я расскажу, какие на тебя планы у меня самого. Моя дорогая Элизабет весьма искусно плетет интриги. А лично я предпочитаю прямоту и недвусмысленность. У меня есть интересы в твоём мире, и ты должен будешь мне помочь.

– А вы и вправду пират? – ляпнул Никита.

Кэпа передернуло. Он не ответил, вместо этого сунул руки в карманы халата и медленно обошел Никиту, продолжая его осматривать. Никита же изучал Лизу, пытаясь разобраться в своем новом отношении к ней. В голове мелькнула интересная мысль: сама возможность сговора в гостевом мире предполагала неоднократность Лизиних визитов сюда. Или отсюда?.. А что он вообще о ней знал?..

– Так что вам от меня нужно? – спросил Никита.

– Ты слишком много болтаешь, – ответил кэп Хантер. – Сдается, тебе надо немного свыкнуться с обстановкой, а то ты плохо представляешь свое положение. Эй, Гарри! В трюм его...

Появился давешний конвоир. Недолго думая, он коротко двинул прикладом своей митральезы Никите в живот. Не так чтобы тот согнулся пополам, но достаточно, чтобы перехватило дыхание. Поворачиваясь к выходу, Никита успел поймать взгляд Лизы. Ему показалось, что на какую-то секунду ее равнодушную маску сменили новые чувства – беспокойства и жалости...

* * *

Трюм оказался куда менее живописным местом, чем представлялось Никите по книжкам и кино. Вернее, его живописность была весьма своеобразной. Его заперли в некое подобие сарая со скошенной стенкой – бортом, судя по всему. Сидеть можно было только на шпангоуте, сыром и склизком. Ноги разом оказались погружены в какое-то вонючее месиво, и в кроссовки тут же начала проникать отвратительная влага. Тьму немного рассеивал тусклый лучик фонаря, проникающий сквозь щель в двери. Довершала колорит невероятная, ни с чем не сравнимая вонь.

Руки тут же оказались вымазанными густой слизью, которой, казалось, было покрыто здесь все. Надо было немедленно успокоиться и возобновлять попытки вынырнуть. Но вместо спокойствия нахлынуло вдруг бешенство. Никита в сердцах выматерился и треснул кулаком в дверь.

За стенкой раздался тихий, но вполне слышимый смех.

– Кто это? Кто здесь? – встрепенулся Никита. Больше заточения под замком он боялся сгинуть в одиночестве.

– Узник, – ерническим голосом ответили ему. – Такой же, как и ты, узник трюма...

– Не пойму, что вас так забавляет, – сказал Никита.

На душе стало не в пример легче. Все-таки два человека – это гораздо больше, чем просто один плюс один. По сути, это больше как минимум на порядок. Сиди Эдмон Дантес в своем каменном мешке один – у Дюма вышел бы короткий рассказ о том, как человек сходит с ума. А как только у него появился сосед – возник сюжет для эпохального двухтомного романа.

– А меня забавляет мое положение, – охотно ответил невидимый собеседник. – Кто бы мог подумать, что меня когда-нибудь будут держать в трюме настоящего пиратского корабля? Нет, я об этом даже мечтать не мог...

– Да, интересное у вас отношение к жизни, – отозвался Никита. – А если нас возьмут да и повесят на реях?

– О! Это был бы просто удивительный конец моей биографии! – восторженно воскликнул незнакомец, и Никита представил себе даже, как тот потирает руки в предвкушении расправы.

«Мазохист какой-то», – решил Никита, а вслух сказал:

– Искренне завидую вашему оптимизму.

– Я бы тебе посоветовал никому и никогда не завидовать, – ответил незнакомец, и в голосе его, казалось, прозвучало оптимизма. – Ведь неизвестно, отчего человек иногда может радоваться смерти...

Никита не успел призадуматься над словами странного собеседника, а тот уже снова развеселился:

– Нет, ну что может быть приятнее, чем беседа двух заключенных через тюремную стенку? Тем более когда охрана смотрит на это сквозь пальцы. Уверяю вас – этого не понять, пока сами не просидите в одиночестве неделю-другую. Настоятельно рекомендую!

– А что, вас держат здесь уже неделю? – спросил Никита упавшим голосом. Он и суток тут не выдержит...

– Месяц! – радостно заявил незнакомец. – Целый месяц вел беседы только с самим собой, пока благосклонная фортуна не послала мне наконец товарища по несчастью!

– А, – протянул Никита, – тогда понятно...

Незнакомец заливисто расхохотался. Никите стало не по себе. Неужели через некоторое время у него также поедет крыша? Этого только не хватало для полного счастья... Одно только утешает – у него будет достаточно времени на попытки убраться из этого негостеприимного мира...

– Так ты решил, что я сумасшедший? – отсмеявшись, спросил сосед. – Нет, люди, долго просидевшие в одиночестве, конечно, начинают проявлять странности поведения, но месяц – слишком скромный срок для этого. Сидел я как-то в одиночке два года...

Сосед снова расхохотался, но быстро прекратил смеяться, очевидно, сделав над собой некоторое усилие.

– Прости, – сказал он. – Просто бывает иногда хорошее настроение, понимаешь ли...

– Да уж... – промямлил Никита. Понять, откуда в этом мрачном сарае может взяться настолько хорошее настроение, было трудно. Может, через месяц заточения он начнет так же безумно хохотать и мечтать о том, чтобы его повесили на рее?

– А за что вы здесь? – поинтересовался Никита.

– За тягу к приключениям, – немедленно ответил сосед. – Тянуло на разные авантюры...

– Да? То есть вы сознательно лезли в это в пиратское логово?

– Ага. Что-то типа того. Было у меня здесь одно дельце. Но провалилось самым идиотским образом...

– У меня тоже...

– Вот видишь, сколько у нас общего! Ух, поболтаем... Ты что, тоже из штурмовой группы?

– То есть?

– А-а... А я думал, Отель опять пытались взять штурмом...

– Отель?

– Ну да... Ты что, не знаешь, где мы все находимся? Ну и ну... Так вот, если тебе интересно: это бывший кочующий Отель. Азартные игры на планетах ведь запрещены уже лет как пятьдесят. Вот он и кочевал от звезды к звезде. Огромный такой развлекательный комплекс. Прибыли давал невероятные, просто моря кэша! Особенно на некоторых пуританских планетах, где развлечения вообще не в чести и под запретом...

– Эдакий летающий Лас-Вегас...

– Типа того... Ха-ха... Не понял... Постой, что ты сказал? Откуда ты знаешь про Лас-Вегас?

Никита почувствовал, будто его треснули обухом по голове. Что-то было не так. И неуверенно произнес:

– К-как откуда? Ну, по телику видел...

За стенкой повисла странная пауза. Потом раздался неуверенный смешок:

– Парень, ты откуда?

– Оттуда...

– А-а... Я так и подумал...

Наступило неловкое молчание.

Обмен этими тремя нелепыми фразами оказался более информативным, чем вся предшествовавшая болтовня. Теперь каждый из собеседников анализировал сказанное им и делал свои выводы. Никита даже подумать боялся о своих вполне конкретных предположениях. Ведь из ЕГО мира, кроме них с Лизой, добраться сюда мог только один-единственный человек.

Копатель.

Неужели он так нелепо открылся врагу? Но... С другой стороны, враг так же, как и он, под замком. А отсюда следуют два вывода. Как обычно – один позитивный, другой – негативный.

Первый был, конечно, неплох: Копатель (если это был он), как и Никита, оказался схваченным пиратами. А значит, его возможности небезграничны.

Второй вывод выглядел более удручающим: если Копатель за целый месяц сидения в «одиночке» не смог вынырнуть, значит, дело дрянь. Значит, для того чтобы вернуться домой, в свое собственное тело, надо как минимум найти возможности для возвращения на планету появления. Если, конечно, все дело действительно в пространственном положении ныряльщика, и данное предположение верно...

Однако теперь у Никиты времени много, а Копатель – вот он, за стенкой. Надо постараться воспользоваться представившейся возможностью, чтобы вытянуть из него всю сколько-нибудь полезную информацию. Только с чего начать? Как бы потоньше подойти к этому делу? О чем спросить этого куда более многоопытного мозгового шпиона, чтобы выяснить как можно больше и не остаться в дураках?

– На кого работаете? – сурово спросил Никита, сразу же поняв, что сморозил несусветную глупость.

Невидимый собеседник зашелся в хохоте. Он снова наслаждался ситуацией.

– Нет, ну я представлял себе возможный допрос при собственной поимке по-всякому, – заявил он. – Но чтобы мне задавали вопросы вот так, из соседней камеры... Дружище, послушай меня – будь проще. Я понимаю, что ты из тех, кто заслан сюда по мою душу. Но пойми и другую, очень простую вещь: мы с тобой сейчас в совершенно равном положении! Давай и беседу вести соответственно – по-дружески и доброжелательно...

– Почему я должен быть с вами доброжелательным, – запальчиво произнес Никита. – Вы – грязный шпион...

– Ха-ха!

– Вы вор!

– Ха-ха-ха!

– Вы негодяй и самый настоящий враг моей страны! Да чем вы лучше этих бандитов?!

– О боже! Какой пафос! Аж дрожь берет! Впрочем, я не спорю. Ты прав. Отчасти, конечно. Хотя я лично считаю, что в случае с проникновением в сферу интересов твоей родины я просто спасал технологии, которые в вашей стране совершенно бесцельно гибли или уходили в руки весьма нечистоплотных людей...

– Чушь! Бред! Ложь!

– Громче, громче! А то нас давно не били плеткой-семихвосткой. Знаешь, что это такое?

– Не переводите тему!

– То, о чем мы говорим, дела спорные, и более того – дела прошлые. Я посоветовал бы тебе озаботиться проблемами более насущными...

– Да?! А что для нас может быть насущнее «утечки мозгов», кражи идей и технологий у моей страны?

– Да все верно, верно. Только я бы на твоём месте задумался, куда эти самые мозги утекают!

– Да за кордон они утекают, к вам!

– Ну, у меня другая информация... Положение несколько изменилось, и теперь, так сказать, ваша проблема коснулась всех... землян.

– Да что вы мне тут очки втираете!

– М-да... Образность вашего языка поражает. Я всегда удивлялся этой способности нейронавтов понимать чужие языки...

– Способности кого?..

– Ну, тех, кто уходит в нейрокосмос...

– А... Ныряльщики...

– Ныряльщики? Так это у вас называется? Хорошее название. Еще один пример образности. У нас более технологичная манера мышления...

– Вы не уходите от ответа...

– Да-да... Воровство технологий – это было. Но теперь, я полагаю, это – вчерашний день. Как оказалось, в ходу теперь другой товар...

Сосед сделал паузу. Веселья в его голосе несколько поубавилось. Казалось, он глубоко задумался. Никита тоже не спешил говорить. Подумать действительно предстояло хорошенько. Ситуация давно вырвалась из-под контроля, но теперь она утекала в какое-то новое русло, ведущее в совершенно непонятном направлении. Никите казалось, что он совершенно потерял ориентацию в сложившейся ситуации, не понимает, где верх, где низ и куда, собственно, следует идти...

– Так что это за товар? – спросил Никита, которому наскучило сидеть в темной тишине.

– Ничего, если я отвечу вопросом на вопрос? Зачем тебя прислали в этот мир?

– Вы же знаете: чтобы защитить бокс от очередной кражи. То есть от вас.

– Бокс? То есть накопитель информации. Хорошо, это понятно. А что было в боксе, тебе сказали?

– Нам таких вещей не сообщают. У нас принято разделение функций. Мы исполнители.

– Честно говоря, нам тоже не говорят лишнего. Но вот мне совершенно случайно стало известно, что там, внутри этого накопителя. То есть за чем идет охота. И я, надо сказать, призадумался – стоит ли мне извлекать ЭТО в наш мир...

– И что же это? Говорите уж, раз начали...

– Тебя уже здесь запугивали такой неприятной штукой, как «сублиматор души»?

– Было дело. Я так и не понял, что это такое. И почему его все здесь настолько боятся...

– Боятся есть чего, поверь мне. Так вот, сам хранитель идеи накопителя...

– Хозяин?..

– М-м... Да... Известный в нашем мире русский физик. Так вот, он изобрел штуку, которая называется очень созвучно.

– Не тяните...

– Сублиматор фантазии.

– Нормально. Вы хотите сказать, что он как бы украл идею из своей внутренней Вселенной? Но ведь информация оттуда не может так дословно просачиваться в сознание хозяина. Только отдельные подсознательные образы...

– Да. Мы тоже так думали. Но ведь вам известно, что у этого... хозяина... с головой не все в порядке?

– Известно...

– Вот, и видимо, из-за этой «особенности» психики каким-то образом он выходит на связь со своим внутренним миром. Здорово, верно?

– Да, просто замечательно... Я не специалист, поэтому не знаю – может, это вообще самое обычное явление – черпать идеи из внутренней Вселенной. Вы лучше скажите, зачем вам он нужен – этот сублиматор фантазии... или души, уж и не знаю, как правильно?..

– Вот, хороший вопрос... Это и впрямь забавные штуки. Начать с того, что два этих устройства – это не совсем одно и то же. Хотя вещи и одного порядка. Сублиматор фантазии – это очень занятная вещь. Реализация этой идеи сделала бы ненужным промышленный шпионаж и бессмысленной – утечку мозгов из одной отдельно взятой страны. Особенно если бы этот прибор принадлежал только одной стороне.

– И что это за хрень такая?

– Вот представь. Сколько на Земле людей? Миллиарды. А сколько ученых, изобретателей? Ну, допустим, миллионы. Из них талантливых – уже только тысячи. А гениальных – десятки, если не единицы. И что же делать, если в той или иной стране людей – хоть расстреливай, а ученых – шиш с маслом? Воровать технологии? Ну, конечно, что же еще делать?

Пока не появится сублиматор фантазии.

Это, брат, такая вещь... Ведь фантазия – она лежит в основе интеллекта любого ученого, изобретателя или там композитора, писателя... У простого человека фантазии хватает разве что помечтать о новой машине, доме, яхте, женщинах. А у иного индивида этой самой фантазии не хватает даже на то, чтобы посмеяться над более или менее тонким анекдотом. Другое дело – гении. Для создания теории относительности или там квантовой теории фантазии нужно не в разы – на порядок больше. А если таких людей в стране нет – остается переманивать их из других стран или просто-напросто красть готовые результаты работы их фантазии напрямую – из головы.

Но с другой стороны, у каждого человека фантазии хоть немножко, да имеется. И если бы нашелся способ взять по чуть-чуть фантазии, допустим, у тысячи человек, и «пересадить» ее рядовому лаборанту... Вот тебе и индивид со способностями гения.

Часть населения, конечно, немного отупеет. На первый взгляд это не очень хорошо. Но если хорошо подумать – это даже пойдет людям на пользу. Глупцам жить легче. Меньше ненужных вопросов возникает в голове из-за не в меру развитого воображения. Вот тебе заодно и оздоровление нации. Да и управлять таким народом не в пример легче.

– Вы это серьезно? – пробормотал обалдевший Никита.

– Да уж куда серьезнее, – отозвался сосед. – Эту самую «хрень», как ты выражаешься, и придумал ваш не обделенный фантазией соотечественник. А мои работодатели решили таким образом облагодетельствовать население нашего собственного государства. Будто и без того в мире мало тупости. И гениев соответственно...

– А что же тогда такое этот «сублиматор души»?

– Давай-ка растянем удовольствие, дружище. Неизвестно, сколько нас еще будут держать в этой кривой камере. Скажи лучше, как тебя зовут? А то мне как-то неловко, что мы сидим в соседних камерах, а друг другу даже не представлены...

– Никита.

– Ага. Знаю. «Его звали Никита». Настоящее шпионское имя. Значит, Ник. Очень приятно...

– А вас? Как зовут вас?

– Кэвин. Но я не люблю свое имя. И вообще всего себя, который остался ТАМ. А вот скажи мне, как кличут меня ваши спецслужбы? Наверняка ведь есть какой-то псевдоним? Уж больно интересно...

– Копатель...

– Как?!

– Копатель. Ну, который копает, подкапывает. Роет, в общем... Добывает сведения...

– Как мило... Слушай, а мне нравится. У меня к тебе есть одна просьба. Я думаю, ее выполнение не составит для тебя особого труда. Ты так и называй меня – Копатель. Договорились, а?

Глава четвертая

Космос безграничен. Космос огромен и бескраен. Согласно современным космологическим представлениям он действительно не имеет определенных границ.

Но еще более безграничен человеческий разум. Ведь он в состоянии представить себе нечто большее, чем безграничный космос. Например, бесчисленное количество человеческих вселенных...

Как так вышло и в чем тут подвох? Как все это соотносить с представлениями людей о сотворении мира, о Боге-Творце? Как вообще продолжать жить спокойно, зная, что обитаешь не в одной-единственной, необъятной и надежной Метагалактике, а в хрупкой душе какого-то совершенно незнакомого тебе существа?

И главное – что делать теперь с этим знанием? Продолжать жить, как жили до тебя многие и многие поколения ни о чем не подозревающих людей? Или измениться в соответствии с новой реальностью? Может, так же, как некоторые в других мирах, найти утешение в поиске некоего Изначального Мира, где примут, успокоят, объяснят все как следует и подскажут, как быть?

... Стас пытался свыкнуться с новой информацией и не мог. Она отторгалась от его понимания, словно неудачно пересаженный орган. Все это было слишком дико, слишком неправильно, чтобы в соответствии с этим знанием можно было принять какое-либо разумное решение. Ведь такого решения не могло быть по определению.

Итак, если верить странному визитеру, этому жуткому ребенку в теле потрепанного конференсье, только в Изначальном Мире следует искать ответы на все вопросы, связанные с Челноком (или Кристаллом – как кому нравится).

С другой стороны, никто не отменял его, Стаса, прямых обязанностей – защиты интеллектуальных ресурсов страны от кражи невидимым противником. Хотя Стас уже начал сомневаться в эффективности принятых методов подобной работы.

Ведь возникал и третий момент – опасность вторжения в наш беспокойный, но такой привычный мир алчных визитеров из глубин человеческих сознаний. Если представить себе все бесчисленное количество миров «над» и «под» привычным пространством, то становилось жутко. Ведь все эти интересы смыкаются в одной-единственной точке – вокруг Кристаллов в родном мире Стаса, вокруг единственных ворот меж двух половинок этих поразительных Песочных Часов. Да, пусть так и называется это новое, чудовищное, сверхкосмологическое образование...

Стас курил на кухне, задумчиво гася окурки о рассыпающуюся горку «бычков», переполнивших пепельницу. Сна он лишился, судя по всему, надолго. Мысли вяло текли в его голове, где-то среди чужих звезд и населенных планет, только вот поделиться этими мыслями было не с кем. Говорить обо всем этом с коллегами и начальством – значит, подписать самому себе увольнение по профнепригодности. Это в лучшем случае. Единственный, кто мог его понять, был разве что Батхед... Но... Как сварить кашу с человеком, которого всерьез не воспринимают ведущие специалисты Конторы?

Впрочем, выбирать не приходится. Ему надо выплеснуть накопившуюся информацию. Иначе возникает серьезная угроза нервного срыва. Или банальной шизофрении. Вот, кстати, и формальный повод для ночного визита к психологу. Не на работе же говорить обо всем этом?..

Стас тихонько направился в коридор. По пути он заглянул в спальню. Там, на широкой кровати, лежа строго по диагонали, спал его гость. Лежал он на животе, в брюках и расстегнутой рубашке, а правая рука была жутко неудобно заломлена за спину. Белый пиджак небрежно брошен на пол. Один носок лежал на полу, другой, слезший наполовину, жалко и безвольно свисал с торчащей над полом ноги.

Сон Алекса был беспокоен. Он дергался, вздрагивал и тихо постанывал, бормоча что-то невнятное. Что ж, это было весьма похоже на сон уставшего и напуганного ребенка...

Стас тихо прикрыл дверь в спальню и накинул легкую куртку. Чтобы не будить Алекса, такси он решил не вызывать по телефону, а просто поймать на улице...

...Дом Батхеда он нашел с трудом. Вообще сотрудникам управления не положено было знать друг о друге слишком много и общаться во внеслужебное время. Адреса и телефоны были информацией доступной только администратору. Но некоторое время функции администратора приходилось выполнять Стасу. И с тех пор он, как говорится, стал «слишком много знать». За что уже не раз укорял самого себя. Правильно говорят: многие знания рождают и многие печали. Ведь не знай он адреса Батхеда, не пришлось бы сейчас переть куда-то в ночь и будить не вполне знакомого человека, чтобы грузить того не вполне достоверной информацией. Кстати, по большому счету, кроме псевдонима и адреса, да еще профессиональных качеств, он не знал о том ровным счетом ничего...

Батхед обитал в старой пятиэтажке в районе Останкино. Неопределенной национальности таксист с трудом понимал, чего от него хотят, и разваливающаяся на ходу «шестерка» долго нарезала бессмысленные круги. Один раз их остановили сотрудники ДПС, а во второй – милицейский патруль. Документы таксиста им не понравились, и Стасу пришлось оставить водителя разбираться на месте, а самому отправиться дальше пешком.

Все-таки ему удалось найти нужный дом, и, на счастье, кодовый замок в подъезде оказался сломан, так что он был избавлен от ненужных и невразумительных разговоров через домофон. Стас поднялся на третий этаж и позвонил в дверь. Немного подождал. Собрался было нажать кнопку звонка снова, но из-за обшарпанной двери, обитой порезанным дерматином, раздалось сонное: «Сейчас, сейчас...» и шарканье тапочек.

Дверь приоткрылась. Над натянутой цепочкой возникло помятое заспанное лицо с подслеповато прищуренными глазами. Когда на него водрузились толстые квадратные очки, Батхед, казалось, мигом проснулся:

– Стас?! Вы?! Что случилось? Я сейчас, сейчас... Как вы добрались? Наверное, не так просто было найти мою конуру? Хе-хе! Как там на улице? Вы, я вижу, в куртке? Прохладно, наверное? А хулиганы как, не беспокоили? У меня тут дворы не очень спокойные... Хотя три часа уже – спят, наверное, все...

Батхед суетливо разбирался с цепочкой, которая не очень-то хотела отпускать дверь. Не понятна была реакция Батхеда: казалось, он не столько удивился неожиданному ночному визиту, сколько обрадовался образовавшейся возможности пообщаться.

Когда Стас наконец проник в обитель психолога, то удовлетворенно отметил, что интерьер соответствовал его ожиданиям. Это была классическая холостяцкая берлога, где уже с порога следовало опасаться за собственную жизнь: ничего не стоило споткнуться о груды хлама, сваленного вдоль стен или оказаться засыпанным чем-нибудь тяжелым, свалившимся с покосившегося шкафа.

Но также Стас с уважением отметил про себя, что большую часть этого хлама составляли книги, журналы и толстые папки для бумаг. Несомненно, жил здесь человек увлеченный.

– В комнату не приглашаю, – сказал Батхед. – Там у меня что-то вроде ремонта. М-да... Что-то вроде... Хе-хе... Поэтому не считите за негостеприимство, пройдемте сразу на кухню...

Кухня была под стать обстановке. Крохотная, со старыми шкафчиками с обвисшими дверями. В раковине громоздились горы грязной посуды, не мытой, судя по виду, с неделю...

Батхед немедленно распахнул форточку и виновато развел руками. Сам по себе он представлял довольно живописную фигуру. Полноватый, неопределенного возраста, вечно небритый, был он теперь в изрядно поношенном халате и разбитых тапочках. Свои очки он, наверное, унаследовал от деда.

Но при всем при этом вид его внушал необычайное доверие. И Стас заподозрил даже некую хитрую продуманность такого имиджа. Потому что известно было, что психолог Батхед классный. Ему удалось даже как-то одними словами вытащить в нормальную жизнь свихнувшегося ныряльщика, на котором психиатры поставили жирный крест. Тогда еще не знали про возрастные ограничения. А Батхед еще и клялся, что сможет научить безопасно нырять взрослого. Нужно только время и желание...

Желание такое, конечно, было. Не было времени...

– Чайку, кофейку? – предложил хозяин.

– Можно, – согласился Стас. – И чайку, и кофейку. Разговор, наверное, будет длинный...

...Они сидели за небольшим кухонным столом в клубах табачного дыма и задумчиво смотрели на огоньки собственных сигарет.

– Да-а, – сказал Батхед, вытаскивая очередную сигарету из мятой пачки. – А я, оказывается, как в воду смотрел. Но ведь это вполне логично! Почему мы должны считать, что живем в совершенно уникальном мире? Собственная уникальность – это ведь всего лишь защитная реакция психики на сводящую с ума безграничность Вселенной... И еще – это чрезмерное самомнение человечества. Поэтому я чертовски рад!

– Чему, интересно? Готовящемуся вторжению?

– Ха! Ну и этому тоже, конечно! Ведь что может быть интереснее для психолога, чем материализующиеся патологии психики? Ха-ха! Но еще важнее сам факт очередного подтверждения первичности духовного начала над материальным. Вот ради этого понимания стоит как следует встряхнуть застоявшиеся догмы...

Сипло засвистел кофейник. У Батхеда оказался раритетный никелированный кофейник со свистком – такой Стас помнил еще с детства. Это вам не китайская штамповка. Это просто настоящий символ особой кухонной культуры поздних советских лет, про которые сам Стас больше слышал, чем помнил...

Хозяин разливал кофе в неожиданно красивые и дорогие, по-видимому, чашки и продолжал возбужденно говорить:

– И я вот что думаю по этому поводу: существование всех этих психических матрешек наводит меня только на одну мысль – должен непременно существовать некий сверхразум, с которого и началось это сотворение множества миров...

– Но я уже говорил про Изначальный Мир...

– Нет, никакой мир здесь ни при чем. Этот разум должен быть вне всякого мира. Ведь именно он является творцом... Пусть даже этого, Изначального Мира. Но он должен при этом быть НАД, быть особенным...

– Ты о Боге, Батхед?

Батхед вздрогнул и выронил чашку. Та упала и разбилась, облив его торчащие из халата волосатые ноги. Батхед зашипел от боли.

– К счастью, – задумчиво произнес Стас, не подумав о том, что его слова прозвучали несколько цинично...

– Как... Как же я не подумал об этом... – пробормотал Батхед. – Ну, конечно же... Вот оно – неопровержимое доказательство...

...Они пили кофе, а за окном начинало уже потихоньку светать.

Все-таки, думал Стас, он правильно поступил, что пришел сюда. Психолог оказался благодарным слушателем и интересным собеседником. Кофе тоже был хорош. А что может быть в этом мире лучше захватывающей беседы на ночной кухне?..

Впереди, очевидно, их ждали немалые проблемы. Но теперь он уже не один. Их как минимум трое. А это значит, что на стороне справедливости и добра не просто три умных и достаточно информированных человека.

Это три необъятные Вселенные.

Никите снова приснился сон. Чудесный мир, прекрасный и светлый, манил его. Он видел густые леса, снежные горы, синие моря. А главное – добрых и умных людей.

Все смотрели на него и улыбались. Будто встретив старого друга. Ему показывали города, он слышал замечательную музыку и любовался прекрасными картинами. Его катали на диковинных машинах, что могли двигаться по дорогам, взлетать в небо и нырять под воду.

Но ни разу не произнесли ни слова.

Никите казалось, что ему хотят сказать что-то, но не могут. Только в конце опять протянули этот прозрачный куб. На этот раз Никита решил испытать судьбу и взять его. Он протянул руку, но...

* * *

...Проснулся он от шума. Спина жутко болела от неудобного лежания на шпангоутах у стенки – единственном сухом месте в этом мрачном сарае.

За дверью мелькал свет, раздавались многочисленные шаги, какой-то глухой шум...

– Что такое? – пробормотал Никита.

– Кого-то еще сюда пригнали, – отозвался Копатель. – Гляжу, вообще, в нашей тихой гавани становится веселее...

– Ну-ну... – промямлил Никита, не разделяющий оптимизма соседа по заточению.

Он припал к щели и попытался хоть что-нибудь разглядеть. Но тут тусклый свет окончательно заслонила чья-то тень. Послышалось пыхтение и возня с замком. Скрипнула дверь, и на пороге показался его давешний конвоир.

– Пошли со мной, – приказал он.

– Вы бы уж как-то определились, – послышался из-за стенки насмешливый голос. – То приводят собеседника, то забирают...

– Посиди пока, – невозмутимо сказал пират. – И до тебя дойдет очередь, умник...

– Да что я там не видел, – отозвался Копатель. – Хотя экскурсия, подозреваю, моему другу понравится. Или нет. Это уж от настроения зависит...

Узник тихо рассмеялся, а настороженный и в то же время заинтригованный Никита лишь недоуменно пожал плечами. Копатель умел недоговаривать.

Тусклый свет трюмного фонаря показался Никите просто ослепительным после почти суток заточения во мраке. И теперь он жадно пользовался своим истосковавшимся по восприятиям чувством – зрением. Оглядевшись, он понял, что в трюм пригнали часть из захваченных пассажиров его рейсовика. Пленники выглядели устало, в глазах их застыла какая-то уж слишком чрезмерная апатия и покорность судьбе.

Никита хотел было перекинуться парой слов с ними, но его погнали быстрее, через вторую палубу и вытолкали наверх. Вопреки ожиданиям, его повели не в сторону кают-компаний, или как там называлась эта комната на баке, а к трапу.

Внизу уже ждал открытый джип под парами, куда его и посадили между двумя вооруженными бугаями, одетыми во все кожаное и бесформенное. Никакой информации от них Никита не добился. Пираты просто игнорировали задаваемые вопросы, равнодушно глядя прямо перед собой. Джип несся сначала по парку развлечений, потом по широкому прямому коридору с металлическими стенами, кабелями и трубами вдоль пола, затем выскочил в огромный зал с каким-то сетчатым полукруглым сводом и помчался по гулкой эстакаде, проведенной высоко над полом этого помещения. Один из пиратов указал большим пальцем волосатой руки куда-то вниз. Никита глянул.

Под эстакаду широким потоком брели люди. Тысячи людей.

Только сейчас Никита увидел, что дальняя стена зала была словно приподнята до половины по всей ширине, и за нею виднелись звезды. Где-то там, за пределами корабля и брала начало эта жуткая, казалось, бесконечная людская колонна.

– Магистральный взяли, – пояснил один пират другому. – Просто везуха какая-то. Только разобрались с местным рейсовиком, и тут на тебе...

– У кэпа везухи не бывает, – сухо возразил Никитин конвоир, что сидел теперь рядом с водителем. – Только опыт и здравый расчет...

– И экстракт... – буркнул один из пиратов, отчего прочие, сделав круглые глаза, испуганно зыркнули на него.

Пират сделал знак «все, молчу!». Больше разговоров не было. Впрочем, и ехали недолго. Машина выскочила в очередной зал, напоминающий по виду авиационный ангар, и затормозила возле торчащего из решетчатого металлического пола цилиндра стального цвета.

Никиту вытолкали из машины и подвели к цилиндру. Высотой тот был метра три, столько же шириной, и выглядел куда новее, чем все остальное на этом безумном космическом Отеле. Внезапно гладкую поверхность цилиндра по всей длине разрезал тонкий луч света. Луч расширился, обнажив освещенные внутренности цилиндра, отдаленно напоминающие интерьер лифта в стиле хай-тек.

Видимо, это и был лифт. Потому что туда немедленно завели Никиту, стенки цилиндра сомкнулись и тут же разомкнулись с противоположной стороны.

Это уже явно не был ангар. Здесь было гораздо меньше места, но интерьер был куда строже и... технологичнее, что ли?

Никиту повели узким белым коридором. Ноги ступали по мягкому полу, перед ним то и дело бесшумно и стремительно разлетались лепестки дверей. И также тихо смыкались следом. Наконец, раскрылась последняя дверь.

И Никита вышел в открытый космос.

Конечно, это была, наверное, всего лишь иллюзия. Он уже привык к тому, что в этом мире предпочитают не отгораживаться от пространства лишними стенами. Да и почему бы не приблизить космос к себе? Если технологии позволяют...

Но как странно выглядел стоящий на длинной блеклой плоскости кэп Хантер в своих джинсах и просторной белой рубашке. Перед Никитой снова пронеслись образы кэпа в корсарском наряде на фоне черного неба, в россыпи неизвестных созвездий...

Никита заставил себя внутренне скептически усмехнуться. Не стоит излишне романтизировать образ обычного уголовника. А кем же еще был тот, кого именовали «кэпом»?

...Но, надо признать, здесь, среди обнаженных звезд, здорово смотрелась Лиза. На ней было какое-то новое платье. Длинное, подчеркивающее фигуру. Современное, но в то же время намекающее на романтическую старину.

В общем, довольно сумасшедшая была парочка.

– Ну, как тебе трюм, мой юный друг? – поинтересовался кэп. – Нет желания возвращаться?

– Здесь повеселей будет, – признал Никита, пожалуй, слишком уж развязным тоном.

Кэп Хантер рассмеялся довольно неприятным смехом.

– Ты даже не представляешь, насколько весело здесь сейчас будет, – пообещал кэп. – Особенно когда объективируются корабли Безопасности.

– А это что, тоже корабль? – догадался Никита.

– Ты попал в точку. Приветствую тебя на борту «Катрин-2», мой мальчик. Не доводилось еще стоять на капитанском мостике?

– Честно говоря, нет.

– Лови момент. Тем более что тебе вскоре придется немало заплатить мне за эту экскурсию...

Кэп Хантер отвернулся и громко, с легкой иронией в голосе произнес:

– Отдать концы! Отчаливаем.

Пол на мгновение ушел из-под ног, и все стоящие на мостике невольно вскинули руки, стараясь удержать равновесие.

– Эй, в машинном, черт возьми! Держи гравитацию! – прорычал Хантер.

– Простите, кэп, – пробормотал кто-то невидимый. – Перегружал комп. Теперь все в норме...

Небо над головой вдруг пошло кувырком, и Никите чуть не стало дурно. Однако пол под ногами не думал больше чудить, ноги держали плотно, как влитые. Откуда-то сбоку, прямо на голову, вывалилась гигантская махина Отеля. Она нависла над «Катрин-2», будто готовясь раздавить ее в лепешку. Но вдруг стала быстро уменьшаться в размерах и через пару секунд вообще схлопнулась в черное ничто.

Никита понял: это набирал скорость корабль.

– Доктор, – сказал кэп в пространство, – вы мне нужны.

– Я уже здесь, – раздалось со спины, и в рубку проследовал худой, костистый и совершенно лысый человек в мятом синем халате, похожем на операционный. В руках у него был никелированный ящичек. Такие раньше использовали под хранение медицинских инструментов и такой присутствует почти в каждом фильме Тарковского. Странно, что именно последнее обстоятельство вспомнилось сейчас Никите.

– Как идет прием, Доктор? – спросил кэп. – Достаточно ли вам пациентов?

– Да так себе идет, – вздохнул Доктор. – Пациентов, конечно, много. Но качество душ...

На одну дозу экстракта уходит штук по пятьдесят, не меньше. Даже не знаю, чем это объяснить...

С этими словами Доктор положил на невидимый стол свой ящичек и извлек из него маленький прозрачный куб. Никита напрягся: это было что-то ему уже знакомое...

– Ничего, Док! – заверил того кэп Хантер. – Скоро мы окажемся наконец в мире, где души не в пример сочнее...

– Было бы забавно попробовать такой материал, – несколько застенчиво ответил Доктор и ловко прилепил кубик к виску кэпа. После чего схватил свой ящик и быстро отступил назад.

Кэп Хантер на секунду замер. Потом его вдруг передернуло и он осел на одно колено. Его била мелкая дрожь. Он схватился за голову, покачался из стороны в сторону... И резко встал.

– Все в норме, Док, – сказал кэп. – Благодарю за качество работы...

– Стараемся, – дрогнувшим голосом ответил Доктор.

Но кэп Хантер его уже не слышал. Он развернулся спиной к присутствующим на мостике и, надо полагать, лицом – к носу корабля. И как-то вытянувшись, замер.

Смотреть на застывшую фигуру пирата было не очень интересно, и Никита снова обратил свой взор на Лизу. Та стояла теперь чуть позади кэпа и, казалось, любовалась звездами.

Что же все-таки связывало ее с этим миром? Что общего у школьницы с этим странным «морским (или звездным?) волком»?

Видимо, не так все просто было в этих ныряниях в человеческие вселенные. Видимо, Челноки были созданы не только для того, чтобы таскать из глубин человеческого сознания чужие мысли и идеи. Никиту посетило вдруг ощущение предчувствия чего-то значительного и страшного, отчего тревожно заныло под ложечкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.